

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЭСТЕТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ Я. А. МОРШТЫНА

В польской поэзии XVII века особое место принадлежит Яну Анджею Морштыну (1621—1693) — поэту и переводчику Апулея и Марциала, Марино и Корнелия. Вольнодумец с большой долей скептицизма по отношению к религии, он успешно сочетал литературную деятельность с головокружительной карьерой придворного, пройдя путь от скромного секретаря до советника короля.

Разноплановое по тематике и жанрам творчество Я. Морштына с присущими ему противоречиями, в которых отразилась вся сложность переломной эпохи, еще не получило всестороннего освещения ни в польском, ни в советском литературоведении, в частности, не изучены его эстетические взгляды. В немногочисленных исследованиях творчества Я. Морштына закрепилось, на наш взгляд, упрощенное представление о нем как о салонном поэте — «поэте-царедворце», «виртуозе», мастере интеллектуальной игры¹. Однако Я. Морштын является несомненно интересным поэтом польского барокко, а также ярким выразителем эстетической мысли того времени. Польский поэт не писал специальных трудов по эстетике, но большая часть его замечаний и рассуждений о поэзии и поэте, разбросанных в посвящениях своим друзьям, отдельных стихотворениях, и художественная практика в целом представляют довольно стройную систему эстетических взглядов.

В этой статье мы ограничимся рассмотрением некоторых аспектов эстетики Я. Морштына на основе анализа ряда произведений сборника «Лютня» [3, с. 3—124]. Этот сборник стихов из двух книг был подготовлен к изданию самим автором, но не увидел свет. Обе книги сборника обрамлены группой стихотворений, в каждом из которых довольно отчетливо выражено отношение автора к поэзии и поэту. Посвящение «Лютни» Л. Опалинскому («Do jegomości pana Łukasza...»), «Do czytelnika», «Do tegoż», «Do panny», «Do swoich Książek», «O sobie», «Oddając lutnię», «Do Jana Grotkowskiego» — помещены в начале первой книги, которая завершается обращением к своим книгам «Do swoich Książek». Вторая книга сборника окаймлена произведениями «Do lutnie», «Posylają, wiersze» в начале и «Na lutnistę...», «Do Jana Szamowskiego» — в конце [3, с. 3—124]. Сборник включает ряд обращений к друзьям — поэтам Я. Гродковскому, В. Отвиновскому, Я. Шамовскому. Эти стихотворения можно представить как тематический цикл, объединенный общей поэтической темой. Взятые в отдельности, они могли бы восприниматься или как произведение любовного содержания, или панегирик поэту, или как жанровая зарисовка, но в общем контексте сборника или

¹ Односторонняя оценка творчества Я. Морштына в монографии первого исследователя поэта. — Э. Порембовича [4, с. 225—319], у Я. Пельца [6, с. 65—83], Я. Соколовской [7, с. 55], Б. Фалецкой [10, с. 148—167], Я. Котарской [8, с. 101], правда, в последней ее работе наметился поворот в сторону объективности [9, с. 113—141].

цикла стихов они выражают определенную эстетическую позицию поэта. Предваряя и завершая сборник, эти произведения представляют своеобразные маленькие поэтические трактаты. С логической последовательностью автор «Лютни» излагает критический взгляд на польскую поэзию, дает оценку ее наиболее значительных представителей, определяет место и назначение поэта и, наконец, утверждает величие поэзии.

Сборник открывает посвящение поэту Л. Опалинскому, в котором наиболее полно выразились взгляды Я. Морштына. В посвящении шуточный панегирик своеобразно сочетался с серьезными критическими замечаниями¹. По-видимому, Я. Морштын не очень высоко оценивал поэзию своих многих современников, отмечая общезвестное графоманство польского общества того времени — «каждый играть и каждый петь осмеливается», но без иронии представляя ее как «громкую и многочисленную капеллу», которая не отличалась особой стройностью исполнения: «... та свобода у нас в Польше бывает, что один орет, другой ревет, а третий поет» [3, с. 3] (здесь и дальше перевод наш. — Н. Г.). Иронический тон усиливают своеобразно использованные музыкальные образы. Однако ирония не мешает ему касаться серьезных вопросов и выделить из общего многоголосия «музыку» Л. Опалинского, поэзия которого не только «гармонична», «правдива», «полна науки», значительна по тематике, но и оказывает влияние на других поэтов («задает тон»). С долей самокритики Я. Морштын сравнивает свою лютню, «тональность», т. е. тематику которой «низами ходит», в отличие от более значительной «партитуры» у Л. Опалинского, потому что она «ключом выше ходит». К достоинствам поэзии Опалинского автор относит ее боевой, публицистический характер («поет только на сейме»), в частности, упоминает заменитую «английскую ноту» Опалинского, в которой был дан ответ Барклаю, известному своими насмешками над поляками. Морштын отмечает, что поэзия его современника созвучна античной, тому, «что пели в Трое».

Таким образом, Я. Морштын в духе ренессансных традиций выделяет социальную роль и гражданскую значимость поэзии, а античное искусство выступает как эстетический критерий в ее оценке.

Не раскрывая персонификации метафорического образа лютни, со свойственной ему многозначностью, объединяющей весь сборник, Я. Морштын использует каждую деталь инструмента для характеристики поэзии (партитура, дека, смычок, струны), дает детальный перечень всех струн: бас, хорал, экстравагант, сопрано, квинта, на которых он играет все свои песни. Трудно с уверенностью сказать, что имел в виду поэт, перечисляя их, но вполне вероятно, что речь идет о разнообразии его поэтической палитры.

В «Лютне» Я. Морштын достаточно четко выразил свое отношение к поэзии как содержательному искусству, а не развлечению. В оче-

¹ К сожалению, посвящения недооценивались исследователями, однако они часто являются единственными источниками информации о времени поэта, и, думается, требуют отдельного изучения.

редном обращении к читателю («Do tegoż») [3, с. 5] поэт сделал довольно категорическое признание: «никогда не думал быть Бекварком и Галотем», т. е. типичным придворным поэтом, как упомянутые музыканты. А далее уже в шутливо-ироническом тоне следует определение своего скромного назначения как поэта — «для себя играл; чтобы плохое настроение отогнать»¹ [3, с. 5]. Поэт более конкретно выразил свое отношение к поэзии в другом обращении к лютне («Do lutnie»), которое звучит как своеобразный гимн «всесильной» и «всемогущей», «заполняющей все», «успокаивающей гнев», «делающей людей мудрее» поэзии. Совершенно очевидно, что для поэта, так высоко ценившего поэзию, она не могла быть только «салонной забавой» [3, с. 72]. Высокое предназначение поэзии выразилось и в том, для кого она создавалась и как оценивалась читателем. Поэтому Я. Морштыну безразлично отношение к его стихам собратьев по перу, о которых он писал: «тот, кто лучше пишет, найдет в нем силу, тот, кого средние мозги питают, позавидует, в глаза похвалит, а в спину губы скривит, тот, кто не умеет — поругает». Но если твоими стихами могут воспользоваться для упаковки или «аптекарь и торговец табаком подожгут ими табак», то «лучше было бы сидеть дома», — говорит поэт, обращаясь к своей лютне [3, с. 7]. Поэту важно испытывать чувство своей необходимости, поэтому «счастлива та лютня, которая тешит уши благодарным», как утверждает Я. Морштын («Oddaję, lutnią») [3, с. 7].

В это время на родине поэта свирепствовала католическая и официальная цензура, включившая в индекс запрещенных книг сборник популярных народных песен, имена поэтов Рея М., Берната из Люблина и даже некоторые из ренессансных стихов Яна Кохановского [см. 5, с. 25]. Несомненно, Я. Морштын знал об этом, так как писал об иезуитах, которые в книгах «стихи своевольно кастрировали» [3, с. 75]; а поэту не стремился издавать свои стихи². Они, по его мнению, должны «дождаться лучших времен» [3, с. 8]. Становится понятным выбор очередной эпиграммы Марциала, перефразированной им в обращении к своим книгам («Do swoich książek») [3, с. 6], в котором он проводит параллель между Римом времен Марциала и Польшей XVII века, где книгу не ждал радушный прием.

Обращает на себя внимание, что композиционная структура стиха бывает органической частью эстетических воззрений поэта. Так, большинство рассматриваемых произведений имеют монологическую или диалогическую форму композиции. Знаменательно, что разговор ведется от первого лица, и сам тон разговора подчеркивает тождество «я» и автора. В качестве собеседника поэта бывает

¹ Это признание поэта послужило многим исследователям основанием для определения его литературных проб как «забавы».

² Его лирические произведения увидели свет только в середине XIX века, а некоторые впервые изданы только в 1971 г.

читатель, друг-поэт или его собственное творение — стих, лютя как его «второе я». Подобное раздвоение было излюбленным мотивом поэтов барокко. Судя по тому, что признания адресованы читателю в широком смысле, а не узкому кругу друзей или семьи, поэт придавал большее значение своим поэтическим занятиям, чем литературная критика потомков. Знаменательно, что Я. Морштын стремился расширить читательскую аудиторию через общедоступность языка. В стихотворении «Do Jana Grotkowskiego....» он призывает писать на родном польском языке, который ничем не уступает латинскому или другим языкам: «Помни о простоте отчизны, говори с ней домашним, а не привозным стихом и матери своей не доставляй огорчений, говоря с ней языком пилигрима...» [3, с. 81]. Для понимания мироощущения поэта интересно обратиться к стихотворению Я. Морштына «О себе»¹:

Не столько зверя в Неполомской пуще,
Не столько злости в янычарской гуще,
Не столько ульев в украинских селах,
Не столько дворских дам сидит в гондолах,
Не столько в крымских ордах стрел каленых,
Не столько крепов в грецких галеонах,
Не столько нитей на брабантских кроснах,
Не столько скрипу в жерновах соосных,
Не столько сельди во полнощном море,
Не столько красок зажигают зори,
Не столько четок шупают в Лорето,
Не столько в Вене кова и навета,
Не столько в Гданьске хлеба в складах порта,
Не столько книжек на торгах Франкфорта,
Не столь весною птиц, колосьев летом,
Обилья в осени, числа приметам,
Звезд в ясном небе, на берегу песчинок,
В метели снегу и в дожде дождинок,
Не столько в плавнях всяческой тростины,
Сколь у меня любви для Катерины.

(Перевод А. Эппеля, 2, с. 577)

По мнению польских критиков, поэт в этом «эротике», как называет его Я. Котарская [9, с. 114], стремился только удивить читателя виртуозной рифмой. На наш взгляд, за набором, даже нагромождением сравнений стоит отношение поэта к действительности через конкретные реалии эпохи, свойственные именно бурному XVII веку. За конкретностью описания следуют иные поэтические фигуры, расширяющие круг воспринимаемого пространства. С пуши в центре польской земли, украинских степей, итальянских каналов и других конкретных географических мест поэт переключает внимание читателя на круговорот времени, а точнее сменяющихся времен года, а затем следует упоминание «звезд в ясном небе». И здесь звучит ставшее традиционным в поэзии барокко обращение к теме

¹ Русскому читателю произведение известно в переводе А. Эппеля [2, с. 577] и менее удачному, на наш взгляд, переводу Л. Череватенко [1, с. 39].

переменчивости времени и бесконечного пространства. За буквальным смыслом стиха, который поэт облек в форму многочисленных перечислений, демонстрирующих размеры его «любви для Катерины», легко угадывается и второй пласт, раскрывающий человека и поэта со сложным видением мира и себя в нем. Кстати, в этой двуплановости выразилась одна из особенностей барокко.

Внимательное прочтение лучших произведений Я. Морштына убеждает в том, что сложная стихотворная структура с самыми неожиданными концептами не мешали довольно полному отражению своего времени, характеризующегося сложностью политических ситуаций, военными притязаниями Востока, интенсивным развитием ремесел, торговли, книгопечатания.

Таким образом, вопреки традиционному одностороннему мнению о том, что польский поэт занимался поэзией ради «забавы», есть основания утверждать, что Я. А. Морштын не только высоко оценил роль поэта и признавал за поэзией ее социальную и гражданскую значимость, но и достаточно серьезно смотрел на свои литературные занятия.

Список литературы: 1. *Антологія польської поезії*, у 2-х т. — К.: Дніпро, 1979. — Т. 1. 462 с. 2. *Европейская поэзия XVII века*. — М.: БВЛ, 1977. — 600 с. 3. *Morsztyn J. A. Utwory zebrane*. opr. Kukulski L. — W., 1971. — 1087с. 4. *Porebowisz E. Andrzej Morsztyn, przedstawiciel baroku w poezji polskiej*. — W: *Pozpr. A. U. Wyd. Filol.*, t. 21. — Kr. 1894, S. 225—319. 5. *Pelc J. Zbigniew Morsztyn*. — W., 1973. — 338 S. 6. *Pelc J. L-yka polska XVII w.* — W: *Przegląd Humanistyczny*, 1967, N 1, S. 65—83. 7. *Sokolowska J. J. A. Morsztyn*. — W., 1965. — 219 S. 8. *Kotarska J. Poetyka Popularnej liryki miłosnej XVII w. w Polsce*. — Gd. 1970. — 235 S. 9. *Kotarska J. Jedna czy dwie poetyki J. A. Morsztyna*. — W: *Zeszytu naukowe wydziału humanistycznego. Prace Historyczno literackie*. — Gd., 1974, S. 113—141. 10. *Falka B. Jan Andrzej Morsztyn — poeta wirtuoz*. — W: *Pamiętnik literacki*, 1977, z. 3, S. 147—167.

Поступила в редколлегию 20.11.81.

Л. Ф. ТАРАСОВ, канд. филол. наук

ОБ ИЗУЧЕНИИ ЗВУКОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СТИХОТВОРНОГО ТЕКСТА

В обширной научной литературе, посвященной звуковому уровню стихотворной речи, недостаточно разработан функциональный аспект звуковой организации стихотворного текста. Между тем решение этого вопроса важно, поскольку в стихотворном тексте звуки не только обогащают содержание произведения, но и приобретают самодовлеющее эстетическое значение, становясь носителем красоты и источником эстетического наслаждения. «Акустическое богатство, мелодия и гармония русского языка, — писал В. Г. Белинский, — в первый раз явились во всем блеске в стихах Пушкина» [1, с. 324]. Чувство эвфонии и умение схватывать долю содержания, создаваемую при помощи звуков, — как компонент эстетической культуры человека, — могут воспитываться и вырабатываться в процессе изучения литературы и языка.

При изучении звуковой организации стихотворной речи целесообразно различать два аспекта: а) фонический, связанный с распределением в тексте и функциями отдельных звуков и звуковых повторов, и б) фономорфологический, связанный с повторами звуко-сочетаний, идентичных по своей форме морфемам или близким к ним.

В художественном произведении, прежде всего в стихотворном, фонема, помимо обычных функций — конститутивной и дистинктивной, различительной, выполняет еще и эстетическую функцию, которая проявляется в различных формах. Для того, чтобы уяснить это, необходимо вначале рассмотреть общий характер звуковой организации произведения: установить частоты и распределение гласных и согласных в тексте, определить качество численно доминирующих согласных, выявить сквозные и локальные повторы и их функции в связи с содержанием, уровнем эмоциональности повествования, интонацией и ритмом. В качестве основной единицы при этом выступает аллофон фонемы и лишь в редких случаях — ее буквенный образ, в частности, при ассимиляции согласных, для чего имеются психолингвистические основания, объясняющие, почему поэт ориентируется иногда не на звук, а на букву. Что касается ассонанса, то, учитывая качественную редукцию гласных русского языка, следует принимать во внимание главным образом гласные ударных слогов.

Одним из важных параметров, характеризующих звуковую сторону произведения, является общая музыкальность, которая возникает в результате отбора звуков определенного качества и гармонического распределения их в тексте. Условием высокой общей музыкальности является отсутствие скопления согласных в словах и максимальная контрастность звуков, отделяющих слова друг от друга на стыках, обуславливая легкость произнесения слов при чтении вслух. Особую роль в создании общей музыкальности играют сонорные звуки *л* и *р*. Они обладают наибольшей звучностью среди согласных, однако качество их звучания различно, и поэтому их влияние на стих в эстетическом, музыкальном плане противоположно: *л* сообщает стиху плавность, мягкость, нежность и легкость звучания, *р* — твердость и резкость, что особенно заметно, когда *р* концентрируется в том или ином месте текста, не чередуясь с *л*.

Существенной функцией звуковых повторов является выделение ключевых слов. Любопытное указание на этот счет содержится в посмертно опубликованных работах Ф. де Соссюра, упомянутое В. В. Виноградовым: «Согласно Соссюру, звуковая организация стиха (во всяком случае, в поэзии древних индоевропейских языков, но, по-видимому, и во многих новых поэтических традициях) определялась звучанием ключевого по смыслу слова, звуки которого повторялись во многих словах текста (само ключевое слово могло и не быть названо). Таким образом, согласно этой концепции, слово является точкой пересечения звуковых и смысловых связей»

[2, с. 47]. Вспомним также высказывание В. Маяковского в известной статье «Как делать стихи?»: «Я прибегаю к аллитерации для обрамления, для еще большей подчеркнутости важного для меня слова» [3, т. 2, с. 494]:

В старое ль станем плясать?
Крепи

У мира на горле
Пролетариата пальцы,—

опорные согласные главного слова фрагмента пролетариата — *п, р, л, т* многократно повторяются в других словах, создавая необходимое обрамление, о котором говорит поэт в цитированной статье.

Различные образы и темы произведения могут оттеняться соответствующей организацией звукового материала. Повторы небольшой протяженности подчеркивают, выделяют локальные образы и слова, которые автор выдвигает на первый план, обуславливая тем самым повышение их выразительности на общем фоне повествования. (Что же, усни, моя доля суровая, крепко закроется крышка сосновая.— И. Никитин). В этом случае звуковые повторы отличаются интенсивностью и сосредоточенностью на небольшом пространстве — в близко расположенных друг от друга словах, что делает повтор заметным, бросающимся в глаза даже при минимальной протяженности. Эта его внешняя, так сказать, материальная, выразительность служит для выделения и подчеркивания слов, в звуковой оболочке которых находятся повторяющиеся звуки. Отмеченную функцию звуковых повторов следует назвать экспрессивной, поскольку она связана с усилением выразительности определенных смысловых элементов текста. Звуковые повторы служат также для усиления связи слов грамматически и по смыслу зависящих друг от друга, в особенности эпитета-прилагательного и определяемого им слова. (Настали дни вражды кровавой.— А. Пушкин; Баснословной былью веет Из-под мраморных аркад.— Ф. Тютчев). Взаимодействие звукописи с ритмом и синтаксисом проявляется в усилении при помощи звуковых повторов отдельности и взаимосвязанности таких единиц, как стих, предложение, синтагма.

Особую роль по отношению к ритму играют ассонансы: при совпадении повторяющихся гласных с ударными слогами стоп возрастает энергия ритма и создаваемый повторами эффект экспрессивности усиливается. Смысловая функция фонемных повторов проявляется более непосредственно: при повторении морфем происходит резкое выделение слов, в составе которых находятся повторяющиеся морфемы, и одновременно усиление или сходства их значений, или, напротив, контрастности, что бывает, правда, в очень редких случаях (Я б хотел забыться и заснуть.— М. Лермонтов). Повторы звуковых комплексов подобных морфемам, но морфемами не являющихся, более скрыты, а их выразительность зависит от положения в слове и смыслового веса морфемы, подобие с которой у данного звукового комплекса возникает. Корневые морфемы чаще всего порождают эффект паронимической аттракции —

своеобразного смыслового взаимодействия (ср. *очей очарованье* у Пушкина) [4, с. 186].

Суммируя сказанное о звуковой организации текста, выделим основные направления ее изучения: а) качественно-количественная характеристика звукового строя произведения; б) общая музыкальность; в) звуковые повторы как средство тематической и смысловой организации повествования; г) звуковые повторы в функции «обрамления» ключевых слов; д) звуковые повторы в экспрессивной функции; е) звуковые повторы как средство изображения (звукоподражание); ж) явление паронимической аттракции; з) взаимодействие звуковых повторов с ритмом и синтаксисом.

Звукопись относится к низшим элементам формы художественного произведения: ее содержательность проявляется большей частью не прямо, а опосредствованно — благодаря взаимодействию с другими уровнями — лексическим, синтаксическим и ритмическим, ибо только через интонацию звуковой повтор может воздействовать на слово и таким образом принять участие в формировании содержания. Учитывая это, остановимся на вопросе, связанном с одним недоразумением, которое нередко возникает, когда речь заходит о звукописи. Дело в том, что выражения типа «звуковой повтор используется, употребляется и т. п.» включают пресуппозицию произвольности, преднамеренности, и у читающего возникает впечатление, что исследователь говорит о сознательном использовании художником того или иного звука с определенной установкой. В этой связи необходимо заметить следующее: лингвист имеет дело с текстом, т. е. с конечным результатом творческих усилий художника, и для него не имеет никакого значения, получен ли данный результат сознательно или бессознательно, решать это должен не лингвист, а специалист, изучающий психологию творчества. Тот же, кто исследует текст и его свойства, имеет возможность подойти к решению этого вопроса, оставаясь на своей собственной почве, прибегнув к сопоставлению различных редакций одного и того же произведения: мера звуковой упорядоченности фрагментов, подвергшихся правке, покажет, принималась ли во внимание при переработке тех или иных мест в тексте звуковая сторона.

Рассмотрим с этой точки зрения различные редакции некоторых произведений Пушкина и Тютчева.

В стихотворении Пушкина «Слеза» вместо строки *И молча с дикою тоскою* находим *И молча с мрачною душою*, где изменился не только смысл, но вместе с тем и уровень звуковой упорядоченности: появляются аллитерации *м — м, ч — ч*, которых не было ранее.

В стихотворении «К живописцу» строфа:

Красу невинности небесной,
Надежды робкия черты,

Улыбку душеньки прелестной
И взоры самой красоты —

звучала иначе —

Красу невинности прелестной,
Надежды милыя черты,

Улыбку радости небесной
И взоры самой красоты.

Сравнение двух вариантов обнаруживает изменение смысла и звукописи: в окончательной редакции первых строк возникают звукоярыды, отсутствовавшие вначале — (1) *не — не*, (2) *р — р*, (3) *у — у — у*.

В строфе стихотворения «Заздравный кубок»

Кубок янтарный	Пеною парной
Полон давно,	Плещет вино —

заменено слово *белый* словом *парной*, что продиктовано необходимостью рифмовки, но одновременно привело к формированию звукоярыды *п — п — п — п*, правда, за счет сокращения ассонанса на *е*. Поскольку аллитерация обладает большей экспрессивностью, мы должны констатировать, что изменение в тексте повысило уровень звуковой организации строфы.

Сопоставив следующие строки элегии —

А вы, друзья, когда лишенный сил,
Едва дыша в болезненном борежье,
Скажу я вам: «О, други, я любил!» —

А вы, друзья, когда лишенный сил,
Едва дыша, томясь еще желаньем,
Скажу я вам: «О, други, я любил!» —

мы заметим, что во второй строке изменение смысла сопровождается созданием выразительного повтора *болезненном — борежье*.

Приведем еще ряд примеров из произведений Пушкина, иллюстрирующих, как в результате переработки отдельных фрагментов повествования изменялась звукопись в направлении усложнения и усиления вписанности слова в звуковую контекст:

Отверженный судьбиною ревнивой —
Отверженный судьбой несправедливой.

В окончательном варианте возникает повтор *ин — ни*, усиливающий взаимодействие эпитета и определяемого им слова. Кроме того, в строке благодаря этой замене формируется звукоярыд *н — н — н*.

Не доцвету до месячных лучей, Не доцвети до завтрашних лучей,
Умчались вы, дни радости моей — Умчались вы, дни радости моей.
(Элегия)

В этом двустишии в результате уточнения появляются ассонанс *е — е*, аллитерация *ч — ч*, объединяющие эпитет и определяемое им существительное, а также повтор *м — ч*, связывающий строки между собой.

Пройдет веков завистливую даль,
И внемля им, вздохнет о славе младость —

Пройдет времен в таинственную даль,
Услыша их, воспламенится младость.

Но скоро я дожил до черного дня —
Но женщины любят до черного дня.
(Черная шаль)

С мольбой моей печальной и мятежной,
С доверчивой надеждой первых лет —
С огнем любви печальной и мятежной,
С доверчивым сознанием первых лет
(19 октября)

Он знал ее предназначенье —
Он зрел ее предназначенье.
(Стансы)

Молчит его святая лира;
 Душа вкушает холодный сон —

Его заброшенная лира
 Вкушает беспокойно сон.
 (Поэт)

Мой прах переживет и тленья убежит —
 Меня переживет и тленья убежит.
 (Памятник)

В какой-то неге онеменя
Коснеют в этой полумгле —
Безгласны, тихи, без движения
Белеют в этой полумгле.
(Осенней поздней порою)

Изменение образно-семантического плана в приведенных строках влечет за собой глубокую перестройку звуковой организации: логически расчлененное мыслительное содержание в первой редакции получает образное воплощение в окончательном варианте, а слова, реализующие этот поэтический смысл, связываются интенсивным повтором *неге* — *онеменья* — *коснеют*, тогда как вначале соответствующий фрагмент был лишен такой звуковой слитности.

Наш дольный мир, лишенный сил —
Наш мир, как бы лишенный сил.
(Снежные горы)

Переработка строки привела к формированию ассонанса *о* — *о*, который теперь чередуется с ассонансом *и* — *и*, привнося гармоничность и в то же время усиливая ритм.

О бедный призрак, немощный и смутный,
Забытого, загадочного счастья —
О бедный призрак, немощный и смутный,
Давно минувшего, былого счастья.
(Итак, опять увиделся я с вами)

Вдруг рассеял сонный хлад —
Вдруг развеял сонный хлад.
(Вновь твои я вижу очи)

С устранением смысловой тавтологии во второй строке преобразовывается звукопись: появляется повтор *за* — *за*, создающий эффект экспрессивности.

Усилению выразительности звуковых повторов способствуют изменения и в следующих строках:

Густую гриву растрепав —	Та ж прелесть утреннего часа —
Седую гриву растрепав	Та ж свежесть утреннего часа.
(Конь морской)	(Двум сестрам)

Не встретишь мертвого листа —
Не встретишь желтого листа.
(Первый лист)

Фактором, мотивирующим замены отдельных слов в приведенных выше строках, следует считать смысловые уточнения, поскольку они весьма существенны, но нельзя при этом не учитывать значимость звуковых трансформаций.

Однако во многих случаях изменение смысла менее значимо и не может рассматриваться как основная причина переработки первоначального варианта:

Во мгле полуденной почил —
Во мгле полуденной опочил.
(Снежные горы)

Здесь слова *полуденной* и *опочил* заменяются вариантами *полуденной* и *почил*, что актуализирует повтор *по* — *по*, сообщая ему

большую экспрессивность, чем он имел в первой редакции, где *по* в слове *опочил* занимает слабую позицию.

Не косит сплошь, но лучшие колосья —
Не косит все, но лучшие колосья.
(Две силы есть — две роковые силы)

Замена местоимения *все* близким ему по смыслу наречием *сплошь* резко трансформирует звуковую структуру строки, в которой появляются новые повторы и интенсифицируются имевшиеся ранее: *о — о — о — о, л — л — л, ш — ш.*

Эти наблюдения несомненно свидетельствуют о том, что звукопись попадает в поле зрения художника, так как вносимые им изменения очень часто способствуют повышению упорядоченности звуковой структуры текста, появлению добавочных звуко-рядов, создающих в интонации курсивы экспрессивного характера.

Список литературы: 1. Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М.,—Л.: Изд-во АН СССР, 1955, Т. 7.— 560 с. 2. Виноградов В. В. О теории художественной речи.— М.: Высш. школа, 1971.— 130 с. 3. Маяковский В. В. Соч. в 3-х т.— М.: Худож. лит., 1971. 4. Григорьев В. П. Паронимия.— В кн.: Языковые процессы в современной русской художественной литературе: Поэзия.— М.: Наука, 1977, с. 181—187.

Поступила в редколлегию 10.10.81

Р. И. ТРОСТИНСКАЯ К ВОПРОСУ О ЛЕКСИЧЕСКОЙ СОЧЕТАЕМОСТИ

Проблема лексической сочетаемости языковой единицы продолжает оставаться дискуссионной [3]. Функционируя в речи, слово и ФЕ (имеем в виду только те ФЕ, которые сочетаются со своим окружением контактно или дистантно, так как вторая часть ФЕ вводится в контекст посредством присоединения или соотносительности) соединяются с одними языковыми единицами и не соединяются с другими. Причины этого явления не имеют однозначного объяснения в научной литературе. В настоящем сообщении мы представляем различные мнения по данному вопросу с целью выделения наиболее отвечающего, с нашей точки зрения, фактам речи.

Многие ученые считают, что лексическая сочетаемость определяется значением языковой единицы (слова или ФЕ) и вытекают из ее валентности. Валентность понимается как «свойство слова определенным образом реализоваться в предложении и вступать в определенные комбинации с другими словами» [14, с. 132], как «потенциальная возможность слова избирательно сочетаться с другими словами речевой цепи» [6], а лексическая сочетаемость — «конкретная реализация в речи данной способности слова» [6]. Наиболее полное определение валентности находим у М. Д. Степановой: «Валентность следует понимать как способность единицы языка вступать в соединение с другими единицами языка, причем

имеется в виду как их структура, так и их семантика» [16, с. 13—19]. Валентность языковой единицы — это ее узуальное, парадигматическое свойство, т. е. языковое, проявляться оно может только при реализации данных потенциальных возможностей языковой единицы в потоке речи. В системе языка валентность единицы присутствует в ней имплицитно, а эксплицируется лишь в синтагматике. «Валентность включается в число характеристик слова и, следовательно, входит в лексическую парадигматику» [3, с. 10], в отличие от сочетаемости, которая возникает лишь в синтагматике. Валентность и сочетаемость — это явления языка и речи, но взаимосвязаны они теснейшим образом. Валентные возможности языковой единицы не могут быть изучены абсолютно, так как часто контекст «заставляет» языковую единицу выступать в новом качестве, которое, казалось бы, не заложено в ее парадигматике (*грає ніч на скрипці самоти, тут обелісків ціла рота, стоїть береза боса, земля вагітна, день такий полив'яний, на оболонях верби у болоньях, які щасливі очі у казок; одкам'янійте, статуї античні, вечір дуже турецький* — из поэзий Лины Костенко). Это примеры окказиональной сочетаемости, не являющейся результатом валентности данных единиц, обусловленной их значением; следовательно, значение вышеупомянутых образований определяется сочетаемостью. Еще А. А. Потебня [14, с. 38], занимаясь исследованием проблемы значения слова, утверждал, что слово приобретает значение только в речи, имеет столько значений, сколько контекстов, а вне речевого потока оно «мертво». Ш. Балли [4, с. 88—91] тоже отмечает, что значение слово получает только в контексте, но, в отличие от А. А. Потебни, считает его вне контекста не «мертвым», а многозначным. «Во всех случаях значение слова определяется контекстом», — читаем и у Ж. Вандриеса [9, с. 171]. Опираются на эту концепцию и некоторые современные ученые [15, с. 180], но, как нам кажется, в первую очередь, следует учитывать, что речь лишь генетически предшествует языку, и сочетаемость — это сугубо речевое явление, результат столкновений слов в речи, она не существует сама по себе, тогда как слово с его значением и вытекающей из него валентностью — факт языковой действительности. «При всей важности контекста нельзя переоценивать его роли. Слово не обладало бы способностью к обобщению, если бы оно имело значение только в контексте. Толковый словарь любого языка показывает наличие у большинства слов свободных номинативных значений» [7, с. 18].

Н. Н. Амосова, С. Д. Кацнельсон, М. Т. Тагиев и другие ученые [2] считают, что не контекст определяет значение, а наоборот, только значение определяет лексическую сочетаемость, и сочетаемость изменяется с изменением значения слова; языковая единица и в словаре обладает всем тем богатством значений, которые она способна приобрести в контексте. Потенциально, несомненно, но, по-нашему мнению, такая категоричность суждений тоже является крайностью, потому что, исходя из этой концепции (только

значением определяется сочетаемость), невозможно будет объяснить причину создания в речи целого ряда полуотмеченных структур (*закохався чорний ворон у білу березу (І. Драч); ... бісове зілля на кручі стоїть, огорнувши вітрами стан (Б. Обліїник); лебеді материнства, на білих конях пронеслися роки, в грудях набубнявила тривога, кирпатий барометр, дотліває холод мій у ватрі, дорога закричала, кукурікали півні на рушниках (В. Симоненко)*), которые лишь иногда становятся языковыми, их сочетаемость не вытекает из валентных возможностей данных единиц, она не запрограммирована даже потенциально и возникает только в контексте. Обогащение значения за счет необычной сочетаемости здесь несомненно, но все-таки и в этих контекстах «категория отношения находится в зависимости от категории значения» [8, с. 28], а чтобы появились отношения, необходимо иметь как минимум два предмета, явления, действия, признака и т. д., хотя последние могут быть и вторичными образованиями, т. е. порождением сознания, например, мысль, идея. Но когда взять это положение не вообще, а применительно к языковым единицам, то можно увидеть, что каждое слово и ФЕ способны вступать в отношения с себе подобными лишь по заданной программе, т. е. каждая единица имеет определенный набор валентностей, отступление от которого уже будет нарушением языковой нормы. Например, украинское «кирпатий» имеет ограниченную сочетаемость, это тип лексически связанного значения слова, «кирпатим» может быть лишь *нос*, человек, но в поэзии В. Симоненко встречаем это слово в несбыточном для него контексте — «*кирпатий барометр*». В. В. Виноградов неоднократно подчеркивал, что действительный смысл слова в художественном произведении не ограничивается его буквальным смыслом, значением. Это один из тех случаев, когда «более далекое» содержание «не имеет своей собственной раздельной звуковой формы, а пользуется вместо нее формой другого, буквально понимаемого содержания», — писал Г. О. Винокур в статье «Понятие поэтического языка», вошедшей потом в сборник «Избранные работы по русск. языку» (М. 1959, с. 390).

Считаем необходимым специально остановиться на понимании проблемы лексической сочетаемости В. В. Виноградовым. В его трудах прямо не говорится о зависимости лексической сочетаемости от значения, однако именно он одним из первых пишет о постоянном значении (узуальном) и смысле как индивидуальном употреблении слова [11]. Смысл и значение различает и Э. Бенвенист, считая, что в контексте предложения слово приобретает смысл, ибо «предложение — это целое, не сводящееся к сумме его частей, присущий этому целому смысл распределяется на всю совокупность компонентов. Слово — это компонент предложения, в нем проявляется часть смысла всего предложения» [7, с. 133]. В языке слово имеет не смысл, а значение и характеризуется лишь возможностью выступать в некотором смысле. Из положений В. В. Виноградова следует, что он рассматривал значение с двух сторон:

один аспект у него — это главное, основное, зарегистрированное в словарях значение, второй — смысл, возникающий в контексте, в речи. Единодушен с В. В. Виноградовым в этом вопросе Е. Курилович [13]. Выделяет главное значение как такое, которое «наиболее обусловлено парадигматически и наименее обусловлено синтагматически» [18, с. 9], и Д. Н. Шмелев. Итак, значение — это явление системы языка, оно присуще слову всегда, контекст лишь способствует его полному проявлению, в слове в каждом конкретном случае употребления возникает смысл, — «те новые индивидуальные стилистические оттенки, та неповторимая атмосфера интеллектуальных и эмоциональных обертонов, в которую облекается слово в данной фразе» [12, с. 120].

Разработкой проблемы лексической сочетаемости занимается и Р. А. Будагов, который, опираясь на учение классиков марксизма-ленинизма, пришел к выводу, что «значения слов как «свойства данной вещи» не возникают из их отношений к другим словам или другим вещам, хотя исключительное многообразие и тех, и других уточняется в процессе их же взаимоотношений» [8, с. 28]. Взгляды Р. А. Будагова разделяет Ф. П. Филин, отмечающий, что «отдельное слово существует только в ряду других слов и в то же время оно является самим собой, оно неповторимо. Каждое слово — особый микромир» [17, с. 15]. Как видим, большинство ученых, мнение которых разделяем и мы, убедительно доказывает, что значение языковой единицы определяет и ее сочетаемость, и это несомненно, но нельзя отвергать и тот факт, что в речи очень часто употребляются слова в несвойственных для них значениях, которые иногда могут переходить в языковые. Так, общеизвестно, что поэзия В. В. Маяковского и П. Г. Тычины дала много необычных контекстов употребления слов, некоторые из них потом стали нормативными. Значит, и сочетаемость иногда может формировать новое значение, а основное языковое значение данной единицы в это время как бы отодвигается на дальний план, находится где-то на периферии, и только «осколки» его присутствуют в подсознании и вызывают смутные ассоциации, лишь отдаленно напоминая о нем.

Список литературы: 1. Амосова Н. Н. О синтаксическом контексте. — В кн.: Лексикографический сборник, вып. 5-й. М., 1962, с. 36—40; Бабкин А. М., Фразеологизм и слово. — В кн.: Вопросы теории и истории языка. Л., 1969, с. 143—147; Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова. — ВЯ, 1953, № 5; Кротевич С. В. Словосполучення як будівельний матеріал речення. Львів, 1956, с. 35; Кочерган М. П. Лексична сполучуваність і синонімія. — Мовознавство, 1978, № 6, с. 53—63. 2. Амосова Н. Н. О синтаксическом контексте. — В кн.: Лексикографический сборник, вып. 5-й. М., 1962, с. 36—40; Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. М., Л., 1965, с. 53—55; Тагиев М. Т. Лексическое значение и сочетаемость слова. Актуальные проблемы лексикологии. Минск, 1970. — 195 с. 3. Аракин В. Д. О лексической сочетаемости. — В кн.: К проблеме лексической сочетаемости. М., 1972, с. 10—21. 4. Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961. 5. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. — 198 с. 6. Болдырева Л. М. Стилистические особенности функционирования фразеологизмов. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1967. — 200 с. 7. Будагов Р. А. К критике релятивистских

теорий слова.— В кн.: Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 8. *Будагов Р. А.* К вопросу о месте советского языкознания в современной лингвистике.— ВЯ, 1981, № 2, с. 24—29. 9. *Вандриес Ж.* Язык.— М.: Соэкгиз, 1937.— 182 с. 10. *Виноградов В. В.* Современный русский язык. М., 1938.— 240 с. 11. *Виноградов В. В.* О языке художественной литературы. М., 1959.— 180 с. 12. *Кацнельсон С. Д.* О грамматической категории.— Вестник ЛГУ, 1948, № 2, с. 117—121. 13. *Курилович Е.* Заметки о значении слова.— ВЯ, 1955, № 3, с. 19—20. 14. *Потебня А. А.* Из лекций по теории словесности. (Басни, пословицы, поговорки). Харьков, 1930.— 180 с. 15. *Савченко А. Н.* Лексическая сочетаемость и проблема знаковости языка.— В кн.: Актуальные проблемы лексикологии. Минск, 1970, с. 171—183. 16. *Степанова М. Д.* «О внешней» и «внутренней» валентности слов.— ИЯШ, 1967, № 3, с. 13—19. 17. *Филин Ф. П.* О некоторых философских вопросах языкознания.— В кн.: Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970, с. 13—22. 18. *Шмелев Д. Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.— 280 с.

Поступила в редколлегию 08.12.81.

Е. Ф. ШИРОКОРАД, канд. филол. наук

К ВОПРОСУ О ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ИМЕН В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ В СВЕТЕ ТЕОРИИ А. А. ПОТЕБНИ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО

Теория А. А. Потебни о генетической связи прилагательного и существительного получила всеобщее научное признание. В то же время многочисленные соображения, предположения, догадки, которые автор труда «Из записок по русской грамматике» (особенно том 3-й) строит на основе обширнейших фактических данных восточнославянских и других славянских (и неславянских) языков в связи с основной мыслью о происхождении существительного и прилагательного из одной категории имени, еще не получили всесторонней и необходимой разработки. Актуальность изучения этой части наследия А. А. Потебни несомненна: 1) для создания подлинной истории важнейших именных частей речи в их взаимодействии — в аспектах формальном, семантическом, функциональном — в славянских языках, в частности в русском; 2) для единственно правильного, т. е. научного, разграничения фактов диахронии и синхронии, которые нередко смешиваются, в частности в описательной грамматике современного русского литературного языка.

В своих наблюдениях мы исходим из таких центральных положений теории А. А. Потебни: «Различие между существительным и прилагательным не исконно» [1, с. 69]; «Различие между существительным и прилагательным в языке, доступном наблюдению, в историческое время уменьшается по направлению к прошедшему» [1, с. 37].

Наше внимание привлек случай «существительности имен, позднее употребительных только в значении прилагательных» [1, с. 47], выделяемый А. А. Потебней для др.-р. и рус. ц.-сл. языков и иллюстрируемый лексемами: блр. *молод* (в сочетании *бел молод*), ст. русск. *хоробръ, удалъ, рѣзвъ, бѣрзъ*, все в значении «heros»,

хытръ, супротивень. Причем *рѣзвъ, удалъ* А. А. Потебня предполагает на основании производных *удалецъ* (не позже XIV в.), *рѣзвецъ*. Речь, конечно, идет не о существительных, употребляющихся позже в значении прилагательных, а о таких именах, которым соответствуют прилагательные той же основы и семантики. Показательными в плане «существительности» подобных образований для А. А. Потебни являются имена с суффиксами *-ьц(ь)*, *(-ец)*, *-иц(а)* и другими, не вносящими «никакого особого оттенка, кроме существительности и единичности» [1, с. 47—48], которые «непосредственно произведены не от прилагательных», а от существительных (*бѣлѣ молодѣць* от *бѣлѣ молодѣ*)» [1, с. 48]. Причину появления подобных образований А. А. Потебня усматривает в закономерной дифференциации имен по формальному признаку. Ср.: «Побуждением к присоединению к такому существительному *молодѣ* суффикса *-ьц* могло быть именно желание отделить его от прилагательного *молодѣ* и таким образом обособить категорию прилагательных» [1, с. 48] и, естественно, категорию существительных. Если исходить из приведенных положений А. А. Потебни, всякому образованию муж. рода на *-ец-* в русском языке (в силу древности суффикса и в других славянских языках) должно предшествовать существительное, омонимичное прилагательному.

Лексикографические труды дают разновременную фиксацию существительных на *-ец* для русского языка — начиная с «Материалов» И. И. Срезневского [10]. Таким образом, истоки большинства имен муж. рода на *-ец-* в др.-р. и рус. ц.-сл. языках, а некоторые из них определяются даже как праславянские (см. ниже).

Мы задались целью проследить, как соотносились в др.-р. и рус. ц.-сл. (XI—XIV в. в. преимущественно) языках одноименные прилагательные и существительные и в каком отношении к ним находились образования на *-ец*. Наблюдения проведены по данным «Материалов» И. И. Срезневского [2], привлекались также тексты «Успенского сборника XII—XIII вв.» [3]. Как известно, в момент фиксации др.-р. языка в письменности одноименность прилагательных и существительных в нем была следствием не только их общего происхождения из одной категории, но и результатом действующего постоянно процесса субстантивации прилагательных. Логично допустить субстантивацию прилагательных в местоименной форме с того времени (праславянский язык), как она образовалась, что, по той же логике, исключает субстантивацию именных прилагательных. Надо думать, что субстантивации прилагательных кратких никогда не было: признание этого явления находится в противоречии и с историческим процессом дифференциации имен.

Таким образом, уже в древнерусском языке (как и в русском) и существительные, и прилагательные наблюдались в двух формах: именной и местоименной. В силу тождества формального признака этих категорий он теряет силу для их разграничения. Решающим в определении принадлежности имени к одной из частей речи при тождестве их формы и морфемной структуры в данном случае дол-

жен быть признак *функциональный*. Трудности применения функционального подхода к фактам языка дописменного периода, для которого основным остается критерий формы, порождают неоднозначные характеристики имен. Для письменного периода этого можно частично избежать, если принимать во внимание, что необходимо, функцию имени.

Мы исходим также из того положения, что если параллельно с сущ. на *-ьць* функционирует именная субстантивная форма, то последняя явно древнее производного существительного.

Для нашего случая интерес представляют существительные *безумец*, *глумец*, определяемые как праславянские, производные существительных **bezumъ*, **glumъ* [4, вып. 2; вып. 6]. В «Материалах» находим только *глумьць* при отсутствии *глумъ* «насмешник»; *безумьць* И. И. Срезневским не фиксируется, но есть у него *безумъ*. Производные этих имен, т. е. *глумъ* и *безумъ*, хорошо их показывают. Ср.: *безумль*, сущ. *безумьнъ*. (*Безоумьне* въ сию нощь душу твою истязаютъ отъ тебе. Лук. XII. Остр. ев.), *безумьство*, ср. также арх. *бѣзум* [5, вып. 2]; *глумьно*, *глумити*, ср. смол. *глѹма* «насмешник», кур., орл. *глумной* [5, вып. 6].

В «Материалах» даны без соответствующих прилагательных такие параллельные образования — существительные: *богословъ* = *богословьць*, ср. антропоним *Богословъ* = *Богословьць*; *Златоустъ* = *Златоустьць*; *чудотворъ* «чудотворец» — *чудотворьць*, ср. рус. *чудотворный*; *тунейды* «тунейдец» (*Тунейдый* чужи ясть хлѣбъ. Ио. Злат. XIV в) — *тунейдьць*, ср. рус. *тунейдец*; а также *синии* = *синьць*, оба в значении «дьявол», и под. Отсутствие прилагательных хорошо подтверждает отсубстантивное происхождение имен на *-ьць*.

Основная масса существительных на *-ьць* (за исключением *рѣзьць*, отмечаемого и А. А. Потебней) в древнерусском языке соотносится с существительными в именной и/или местоименной форме. Показательно, что такие существительные принадлежат к мужскому роду (исключение: *погана* «язычница», *въдова* «вдовица»), субстантивированные местоименные формы также муж. рода — в ед. числе, во множ. числе — в формах, где род не выражен. Ряд подобных имен в качестве существительных И. И. Срезневский выделяет в специальные статьи или оговаривает в «общей» статье. Таковы: *Храбръ* «храбрый воин, воитель», сущ. — *храбрыи* «храбрый, доблестный» (здесь же, однако, и такой пример: Егда на рать со княземъ идеши, и ты со *храбрыми* напередѣ ѣзди. Злат. цѣп. XIV в.); *Самъ* «особь муж. пола» — нет прилагательного в соответствующем значении (слово *самец* фиксируется впервые у Вейсмана, 1731); *пѣиши* как сущ. в значении «пехотинец, пеший воин» (дана полная форма, но тексты приводятся только с *пѣишь*) — нет прилагательного; для *мудрыи* выделяется значение «мудрец» с пометой «как сущ.» — нет прилагательного (*мудрец* впервые отмечено у Поликарпова, 1704); для *хытрыи* выделяется субстантивное значение «художник». Здесь же находим: *поганъ*, *поганыи* «язычник» и *по-*

гана «язычница»; *лѣжь* «лживый человек» и прилагательное *лѣжь* (*лѣжии*) (*лжец* — Рос. Целлариус, 1771) и под. Ср. в тексте: О жестокий мужоу и крѣпыи *храбѣре*. Златостр. XII в.; Володимѣрь же *поганѣ* еще оубивы Ярополка. Иак. Бор. Гл. 5; Он же оутависъ всѣх мужий и пословъ Всеволожихъ и шедъ инако рѣчь извороча к ним... яко перевѣтникъ и *ложь*. Лавр. л., л. 137 и др. О принадлежности всех перечисленных и подобных имен к существительному свидетельствуют также производные, ср.: *храбровати* «храбриться», *храбрище* «храбрец», *храбрѣно*, *храбрѣскы*; *хытрѣныи* (Хытрная дѣла и роучныя твари. Гр. Наз. XI в. 4); *поганинѣ*, *поганѣство*, *поганѣ* собир. «язычники», *поганѣскы* (*поганец* употребляется в русском языке с другой семантикой, в др.-р. — это «язычник», ср.: Она же (Анна) не хотяше ити, яко в *поганици*, рече, не идоу, лучши здѣ оумру. Пов. вр. л. 6496—По Переясл. сп.); рус. *ложный*, а также: антропони́мы *Хитров*, *Хитрин*, СРП [7, с. 430]; *Пяшэвич*. Бел. XVI—XVII ст. [7, с. 323]; *Мудрэўскі*; *Мудров*, СРП [7, с. 288] и др.

Показательно функционирование существительного *пѣшъ*, которое активно вытесняется производным *пѣшьць*, о чем свидетельствуют замены в летописных изводах. Ср.: *пѣшь* (Лавр.) — *пѣшьць* (Радз., Ак.): под 6692 — кдѣ бяху *пѣши* (= *пѣшици*) вышли из города; под 6672 г.; 6660 г.; 6657 г.; 6611 г. и др.

Примечательно, что существительные, на основе которых образуются слова на *-ць*, встречаются в звательной форме, несвойственной, как известно, прилагательным. Кроме приведенного выше (*храбѣре*), ср. также: Единѣ сынѣ бы. едина лѣторасль явися. оуже мтрѣ имаша по плѣти еже къ намѣ. *щедре*. съмотритель. Мин. 1096 г. (сент.) л. 60; *Прѣмоудре*. оуслажаеши словесы вѣрными. Мин. 1096 г. (сент.) л. 76 (сущ. *прѣмоудрѣць* отражено в «Материалах») и под.

Для остальных существительных на *-ьц* (*хромьць*, *старьць*, *слѣньць*, *младьць*, *молодьць* и др.) производящие представлены в словаре не так выразительно. Тексты, однако, позволяют провести различие между существительными и одноименными прилагательными на основе функции. Соответствующие имена являются несомненно существительными в идентифицирующей функции — подлежащего, дополнения, прилагательными — в функции «непосредственного атрибута» (термин А. А. Потебни) — определения, преимущественно (если не исключительно, что требует специального изучения).

Из этих двух категорий, если судить по «Материалам» И. И. Срезневского, и вообще по памятникам письменности, более употребительными являются существительные (в обеих формах — именной и местоименной), которым соответствуют имена на *-ьц*: ср.: То видѣвши *молодици* Ярославли. и Василкови. и Всеволожи... Сузд. л., 6736 г. — Ходиша *молодьци* Новгородстии с воеводами. Новг. 1 л. 6846 г. (по Ак. сп.); Аще бо *слѣпъ* *слѣпа* ведеть, оба въ пропасть въвалитася. Никон. Панд. сл. 17; *Слѣпи* прозираху, *хромии* хожаху. Нест. Бор. Гл. 40. — Многоя *слѣпца* просвѣтивъ.

Кир. Тур. 31; Что придосте с *хромьцемъ* симь. о вы плотници суще. Лавр. л. 6524 г.; *О мрътвѣ* сию творю мольбу. Усп. сб. л. 240 — Болнаго *приѣхите*. Надъ *мертвеця* идѣте. яко вси мертвени есмы. Лавр. л. 6604 г. и т. п. На преимущество именной формы в качестве производящей указывают антропонимы. Ср.: *Хромай*, *Хромін*, Бел. XVI—XVIII ст. [7, с. 433]; *Молодов* [7, с. 270] и под. Субстантивные формы соответствуют таким именам существительным: *холостьць*, *старьць* (ср. *старикъ*, *старолюбьць* и др.), *младьць* (ср. *младина*, *младиць*, а также: А противъ послуха (станеть) *старъ* или *младъ*. Псков судн. гр.); *зѣльць*, «дьявол»; *святъць* «праведник», *милостивьць*, *ласкавьць* «льстецъ», *цѣломудрьць*, *одиньць* «одинокый человек», *единьць* — то же самое, *женатьць* и др. Характерны случаи семантического и функционального тождества имен, связанных отношениями производства: О *старѣхъ* състарѣвшихся и о больныхъ разсуждение имѣти. зане же *старымъ* и болнымъ законъ не лежить (в отношении поста). Кипр. м. Посл. иг. АѲ. 1390 г.; Остави *мрътвыя* погreti своя *мрътвьця*. Лук. IX. 60. Остр. ев.; Пошлины съ семьи шесть денегъ, а съ пѣшоходовъ два алтына, а съ *одиного* не имати. Дог. гр. 1381—1382 г. — А пошлина зѣ беглеца съ семьи дѣва алтына, а съ *одинца* алтынъ. Дог. гр. в. к. Вас. Дм. съ Ѳед. Ольг. Ряз. 1402 г., ср. антропоним *Одинец* (Купч. д. 1461 г.).

В «Материалах» И. И. Срезневского находим существительные для более поздних образований (во всяком случае в этом источнике они не зафиксированы), таких, как: *любимец* (Ср.: Имяхъ нѣкого *любима*. Пат. Син. XI в. 301, ср. антропоним *Любимов*); *гордец* (Большми себе *гѣрдыш* разгордѣвъ. Жит. Ѳед. Студ. 102), ср. антропонимы; *Гордюша*, рус. [6, с. 85]; *Гѣрдзін*, бел. [7, с. 114]; *вдовец*, укр. *виноватець* (Емати свое у *виновата*. Мир. грам. Новг. 1199 г.); укр. *щедрец* и др. (см. также выше).

Небезынтересным для нас является тот факт, что соответствующие рассмотренным существительным (производящим и производным) прилагательные в функции непосредственного атрибута очень связаны кругом слов, с которыми сочетаются. Это, как правило: *мужь*, *человѣкъ*, *люди*, что естественно, так как речь идет о признаке лица. Непродуктивность таких определений можно объяснить следующим суждением А. А. Потебни: «Чем меньше мыслимых вещей, тем легче и безошибочнее можно узнать, к которой из них относится признак в слове; тем менее побуждений отделять признак от вещи, т. е. прилагательное от существительного, ибо тем легче имя будет принято за имя вещи» [1, с. 46]. Проиллюстрируем случай такими текстами: Читите *стара* *человѣка*. Лук. Жид. 9; Убиша посадника Новгородскаго Иванка, *мужа* *храбра* зѣло. Новг. 1 л. 6642 г.; А еже на *человѣцѣ* на *холостѣ* боудеть опитемья. Вопр. Ил. 19 и т. п.

Выясняя причины субстантивации прилагательных, А. А. Потебня обращает внимание на прилагательные, обозначающие признак лица: «Как скоро... известно то, что речь идет о людях, извест-

ные прилагательные, прилагаемые преимущественно к людям сами собою, не нуждаясь в определительных и их опущении, являются существительными» [1, с. 46]. Возможно, что не только причиной субстантивации прилагательных, но и причиной, задерживающей подобные именные формы в категории существительных, была данная их семантическая особенность.

Весьма редки подобные прилагательные в сочетании с именами существительными, характеризующими лицо по действию или качеству, как например: *Слѣпъ стрѣльць*. Кир. Тур. 134; ... *скупъ демонъ*... Жит. Андр. Юр. IV. 23; ... *хытри* врачеве... Сбор. Троиц. XII в.; ... *лѣжь* послуохъ. Панд. Ант. XI в. л. 93 и др.

Таким образом, можно отметить весьма ограниченное распространение прилагательных, соотносительных с именами существительными, от которых образованы слова на *-ць*. По-видимому, этот факт может вообще свидетельствовать о слабости именных качественных форм в древнерусском языке в роли «непосредственного атрибута», которая для них не является исконной.

В связи с этим было бы более последовательным рассматривать имена в пословицах, поговорках, приводимых А. А. Потебней для пояснения случая субстантивации, когда «нет нужды предполагать опущение слов «человѣкъ», «женщина» и под., как архаическое употребление существительных: «Бось лаптей не износить. Пам. древ. письм., 1880, 79; Стар да мал дважды глуп, Даль, Посл., 371; ... Холост много мыслит, а женатый боле. Пам., 1, с. 117; ... У скупа не у нѣта, есть что взять. Пов. о Горе-Злочасти; ... Бр. У тим чавночку бел молод сядзиць, Шейн, Бр. п., 250» [1, с. 46—47]. Случай *бел молод сидит*, как представляется, древнее *бел молод муж сидит*.

Очевидно, более древней по сравнению с функцией «непосредственного атрибута» — и это согласуется с теорией предложения А. А. Потебни, его теорией происхождения прилагательного — является функция «предикативного определения» (термин А. А. Потебни), то есть употребление именной формы в качестве предиката (= сказуемого) или аппозитивного определения (= приложения).

В функции предиката, как известно, в др.-р. языке, во всяком случае XI—XIV вв., наблюдаются преимущественно имена в краткой форме. В традиции синтаксических исследований всякую именную форму, соотносительную с местоименной (тогда же или позже), а также всякое именное образование, которому в русском (украинском и белорусском) языке соответствует качественное прилагательное, в предикативной функции принято рассматривать как прилагательное. В русском языке старшего периода функция сказуемого считается характерной для кратких прилагательных. Отмечаются случаи употребления в предикате и существительного, но сюда относят только те имена, которые не имеют омонимичных прилагательных и которым в русском (и других восточнославянских) языке соответствуют исключительно существительные. Таким образом,

современные, позднейшие отношения накладываются на отношения древнейшие, которые наблюдаются в языке XI—XIV вв.

Такой подход к фактам др.-р. и рус. ц.-сл. языка нельзя считать оправданным. Поучительно и ценно в этом отношении следующее мнение А. А. Потебни: «Нельзя сказать, что определительное существительное вообще заменяет собою прилагательное. Правда, *...хыщѣникъ* в «волкъ хыщѣникъ» образовано от *хыщѣнъ*, т. е. от тем, которые нам с точки зрения позднейшего языка представляются прилагательными; но эти образования следует поставить в ряд с такими, как «мужъ борѣць», предполагающими *бор*, которое есть не прилагательное, а п. аг. существительное, и с таким, как *дуб* — *стол*, в коих *дуб* за прилагательное сочтет тот, кто будет думать, что всякое атрибутивное имя есть прилагательное» [1, с. 102—103].

А. А. Потебня четко разграничивает «непосредственный атрибут» и «предикативный атрибут», роль которого (последнего) выполняют существительные. Таким образом, употребление краткой формы в предикативной функции не доказательство ее «прилагательности», так как это и функция существительного и, как показывает А. А. Потебня, является более древней функцией именно последнего. Ср.: «Атрибутивность существительного должна увеличиваться по направлению к древности» [1, с. 103].

Представляется возможным квалифицировать такие имена в предикативной функции как существительные, которые могут быть трансформированы в образования муж. рода на *-ец* (возможны, разумеется, и другие случаи трансформации «существительности»). Ср.: Вѣдаешъ самѣ. оже я не двою рѣчью. ни я пакъ *ложь*. быть. Ип. л. 6796 г. (= *ложьць* «лживый человек»); Иже не прикасался дѣломъ злымъ. то нѣсть *цѣломудръ* но то есть правый *цѣломудръ*. иже въкусилъ грѣха и сладости. и зла дѣла въздержитъся по малѣхъ днехъ. Пчел. И. публ. б. л. 11 (= *цѣломудрьць* «целомудренный человек»); (Данил) бѣ бо *дерзъ* и *храбръ*. от главы и до ногу его не бѣ на немъ порока. Сузд. л. 6731 г. (= *дерзьць* «смелый человек»; *храбрьць* «храбрый человек»); Азь оуже *бородатъ*, а ты ся еси родилъ. Ип. л. 6659 г. (= *бородатьць* «взрослый человек»); Токмо одинъ Володимѣръ остана. зане бысть *хромъ*. Ип. л. 6790 г. (= *хромьць* «хромой человек»); Князь еще *малъ* баше. Новг. 1 л. 6772 г. (= *мальць* «мальчик»); Ты же *истъ* еси. Апост. 1307 г. (= *истьць* «правдивый, истый человек»); Аще нѣкто *мудръ*, ты инако протолкуеть. Кир. Тур. 116 (= «мудрец», «знаток») и т. п.

Пожалуй, наиболее выразительными являются случаи «существительности» имен в предикате, когда омонимичная прилагательному форма выступает в ряду однородных «настоящих» существительных. Например: Аще прець («спорщик») боудеть и *лѣнивъ* («ленивый человек») ты приближи и. Златостр. 5; *Простъ* («простой человек», у Срезневского также *простьць*) же родомъ. не книжникъ словомъ Георг. Ам. л. 218 (ср. *простъ*, *простство*); Бяху бо людие *погани* («язычники») и *невѣголоси* («язычники», «непросвещенные люди»).

Ип. л. 6415 г. (у И. И. Срезневского *невѣголоу* «язычник» — сущ.) и т. п.

В функции аппозитивного предикативного определения выступает также существительное: Князь же Стѣславъ *мудръ* («мудрый человек», «мудрец»). в заповѣдехъ Бѣихъ ходя и чистоту телесную свещева. Ип. л. 6702 г.; Послѣди же Стѣславъ братъ Олександръ оуби Олга. и два сына его *мала* («мальца»). Сузд. л. 6792 г. Ср. также: Бѣ нѣкыи цѣсарь *мужь* его же сынъ болѣаше въ Коперьнаумѣ. Јо. IV. 4. Остр. ев. (*мужь* здесь — «человек зрелого возраста», ср. *мужьство* «зрелый возраст», ср. рус. *мужчина*).

В главе «Атрибутивность существительного» А. А. Потебня выделяет аналогичные случаи: *сын* — *первенецъ*; *стрѣльци* разныхъ городов *веденцы*, 1651. Багал., Матер. II, 76; Младой *въюноши* Иван Данилович *двенадцатилетецъ*, Кир., II., III, 39; *син* — *одинецъ*, Чуб., IV, 184; *козаки* — *молодці*, *хлопці* *молодці*; Там-тади *ѣхав панець-молодецъ*, Голов. II, 58, 80. [1, с. 105].

Кажется, можно выделить и отдельные позиции «прилагательности» предикативного атрибута, как-то: наличие слов, выражающих степень качества, наличие однородных сказуемых, выраженных другими прилагательными (недвусмысленными), глаголами. Прилагательными являются именные формы в случаях: Бѣ же Василко лицемъ красенъ. очима свѣтелъ и грозенъ взоромъ. *паче мѣры храборъ*. на ловѣхъ вазнивъ срдцемъ легок. Сузд. л. 6746 г.; Которои человекъ *старъ велми* или глух. ино за тѣхъ пособику быти. Псков. судн. гр. 16; Бѣ же *слѣпъ и прозърѣ*. Јо. IX. Остр. ев.; Бѣ же Тиверии *възрастоуъ среднии старъ. тонокъ. доброокъ слагъ*. Јо. Мал. Хрон. и под. Как и функцию непосредственного атрибута, данное употребление для наших прилагательных нет оснований считать продуктивным.

«Материалы» И. И. Срезневского показывают и случаи, которые определяются А. А. Потебней как «двусмысленные». Ср.: «Чтобы понять побуждение к этому новообразованию (суффиксальному имени существительному — *Е. Ш.*), нужно представить себе *хыцьнъ* (для нашего случая *поганъ, храбръ* и под. — *Е. Ш.*) в момент его двусмысленности, раздвоения его значения на существительное и прилагательное. Присоединение *-икъ* (в нашем случае *-ыць* — *Е. Ш.*), образующего только сущ., устраняет эту двусмысленность» [1, с. 103]. Ср.: Я есть оуже *старъ*. Ип. лет. л. 152 («старый» или «старик»?); Отиди отсоудоу. да не побьенъ боудеши. *рѣвнивъ* бо есть старьць. Златостр. XII в. («ревнивец» или «ревнивый?»); Князь Ростиславич Стѣславъ... бѣаше *храборъ* на рати. Ип. л. 6680 г. («храбрец» или «храбрый?»); (Кирил) учителенъ зѣло и *хытръ* оученю божественныхъ книгъ. Сузд. л. 6732 г. («знаток» и «мудрец» или «знающий» и «мудрый?») и т. п. Случаи такого типа весьма распространены в памятниках письменности. Трудности их квалификации объясняются не только субъективными, но и объективными причинами: сложным взаимодействием именных форм — существитель-

ных и прилагательных, особенно в функции предиката, которая для них является общей.

Если о качественных словах, которые в русском языке являются прилагательными и соотносятся с именами на *-ец*, говорить в общем, то для древнерусского языка их следует квалифицировать как существительные, которые более употребительны, более характерны для этого языка, чем одноименные (омонимичные) прилагательные.

Существует необходимость более детального изучения подобных образований в системе всех именных форм и их функционировании на разных синхронных срезах одного языка и в разных языках в направлении, которое было определено в трудах А. А. Потебни. Всестороннее изучение существительных и прилагательных в их историческом движении и взаимодействии может внести значительные уточнения в их характеристики на разных этапах развития восточнославянских языков.

Список литературы: 1. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. — М.: Просвещение, 1968. Т. 3. — 551 с. 2. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1—3. — М.: Гос. изд. иностр. и национальн. словарей, 1958. 3. *Успенский* сборник XII—XIII вв. — М.: Наука, 1971. — 752 с. 4. *Этимологический словарь славянских языков.* Праславянский лексический фонд. — М.: Наука, 1974—1981, вып. 1—8. 5. *Словарь русских народных говоров.* — М.; Л.: Наука, 1965—1980, вып. 1—16. 6. *Веселовский С. Б.* Ономастикон. — М.: Наука, 1974. — 282 с. 7. *Бірыла М. В.* Беларуская антрапанімія. — Мінск: Наука і тэхніка, 1969. — 505 с. 8. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1—4. — М.: Изд-во иностр. и национальн. словарей, 1955. 9. *Грінченко Б. Д.* Словарь української мови. Т. 1—4. — Київ: Вид-во АН УРСР, 1958. 10. *Словарь современного русского литературного языка.* Т. 1—17. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948—1965.

Поступила в редколлегия 30.10.81.

Т. Д. УЧИТЕЛЬ

ВЗАИМОРАСПОЛОЖЕНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КОМПОНЕНТОВ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В НЕКОТОРЫХ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ РАЗНОВИДНОСТЯХ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Одной из актуальных проблем современного синтаксиса является изучение сложного, в частности сложноподчиненного предложения. Сложноподчиненное предложение в современной лингвистике исследуется с различных сторон: выясняются пути развития сложноподчиненного предложения, особенности его строения в плане диахронии и синхронии, рассматриваются структурные показатели и логико-смысловые отношения в сложноподчиненных предложениях, изучается как сложноподчиненное предложение в целом, так и его отдельные типы, исследуются принципы классификации сложноподчиненных предложений, описывается стилевая дифференциация некоторых структурно-семантических типов и т. д. [3; 4; 5].

Несмотря на значительные успехи в области изучения сложно-подчиненных предложений, остаются еще недостаточно решенными проблемы парадигмы сложноподчиненного предложения, его структуры, иерархии структурных средств, конституирующих его типы. Недостаточно изучен и вопрос, являющийся объектом данной статьи: является ли категория гибкости/негибкости сложноподчиненных предложений релевантной для структуры, может ли эта категория быть признаком, дифференцирующим тексты разной подязыковой отнесенности.

Материалом для исследования послужили подязыки современного русского языка: международная хроника газеты, математика, авторская речь в художественной прозе, диалог в драме.

Поскольку языковые единицы обладают вероятностной природой распределения в речи, фиксация встречаемости языковых единиц в акте коммуникации свидетельствует о речевой вероятности их появления в коммуникативной сфере. Истинную речевую вероятность можно моделировать, изучив относительную частоту ее появления и получив оценку статистической достоверности такого явления. Такая характеристика, как определяет Н. Д. Андреев, является частью метаязыкового описания и соответственно должна быть названа метаязыковой вероятностью [1; 2]. Н. Д. Андреев показывает, что метаязыковая, речевая и языковая вероятности задают три типа категориальных мер и три рода вероятностных дифференциальных признаков. Речевая категориальная мера есть объективная степень представленности рассматриваемой языковой категории в потоке речи, изучив которую, мы получаем возможность интерпретировать категориальную меру как отражение речевой меры в сознании носителя языка, а метаязыковую категориальную меру как результат соответствующих измерений, позволяющих описать речевую меру при исследовании генеральной совокупности и выборки из нее.

На основании данных структурно-вероятностного анализа были получены три набора дифференциальных признаков для сложноподчиненных предложений с пре-, пост- и интерпозитивной придаточными частями и выявлены структурно-вероятностные оппозиции этих конструкций в исследуемых функциональных разновидностях современного русского языка. Так, для подязыка математики оказалось характерным употребление предложений, в которых придаточная часть может находиться как в пре-, так и в постпозиции. Следует отметить, однако, что в математических текстах доминирующее положение занимают сложноподчиненные предложения с препозитивной придаточной частью. На положение придаточной части в препозиции оказывают влияние различные факторы. В одних случаях это связано с особенностями структуры (наличие в сложной конструкции двойных союзов если ... то, так как... то, поскольку ... то и др. препятствует свободному перемещению придаточной части относительно главной, и тогда такие структуры квалифицируют как негибкие), в других случаях — с актуальным

членением предложения, т. е. придаточная часть занимает положение в зависимости от целеустановки говорящего или пишущего.

Рассмотрим наиболее типичные, на наш взгляд, условия, исключающие возможность свободного перемещения частей относительно друг друга. К числу таких относятся: 1. Наличие в структуре сложноподчиненного предложения двойных союзов. Например: *Если бы данная поверхность была ориентирована противоположным образом, а система координат оставалась прежней, то определенные выше направления обхода нужно было бы заменить на противоположные* (С. М. Никольский). 2. Если в одной из частей имеется функциональный заместитель полнозначного слова, присутствующего в другой части; слово и его заместитель выполняют при этом одну и ту же синтаксическую функцию, например: *Точка a множества A называется его внутренней точкой, если некоторая его окрестность содержится в множестве A* (М. М. Постников). 3. Главная часть содержит в своем составе соотносительный с союзом или союзным словом элемент, например: *На контуре (на краю) φ (P) этого куска определим направление обхода так, чтобы вектор n (P) и кусок b (P) образовали штопор, ориентированный так же, как данная система координат...* (С. М. Никольский). 4. Главная часть представляет собой вопросительное предложение: *Как расположить железнодорожную сеть между заданными пунктами, чтобы транспортные расходы на перевозку грузов были наименьшими?* (М. С. Лившиц, А. А. Янцевич). 5. Одна из частей сложной конструкции осложнена вводными элементами: *Как известно, величина соответствующих интервалов не изменится, так как интеграл периодической функции по промежутку длины, равной периоду, имеет неизменное значение* (Е. Г. Гольштейн). 6. При расчлененности составного союза: *Для того, чтобы найти коэффициент A_m , умножим обе части равенства [1, с. 17] на $\cos mt$ и снова проинтегрируем почленно в том же промежутке ...* (Н. А. Кильчевский). 7. Если в главной части содержится противительный союз: *Но абсолютное значение суммы меньше или равно сумме абсолютных значений слагаемых, так как слагаемые могут иметь разные знаки* (М. Е. Подъягин). 8. Если в одной из частей имеется элемент, указывающий на его связь с предыдущим контекстом: *При этом из пунктов отправления не вывозится весь груз, так как перевозки по фиктивным маршрутам не осуществляются* (И. Ф. Полунин). 9. Если главная часть содержит вывод, заключение, а придаточная часть называет условие или причину, благодаря которым можно прийти к такому выводу: *Полученные формулы полностью решают поставленную задачу, так как позволяют по сумме тригонометрического ряда, сходящегося равномерно, найти коэффициент A_n , B_n* (М. С. Лившиц, А. А. Янцевич).

Не претендуя на исчерпывающий список условий, ограничивающих свободную перемещаемость придаточной части относительно главной, мы можем отметить, что в подязыке математики встре-

чаются структуры как со свободным, так и фиксированным порядком частей. Назвать порядок частей свободным можно, на наш взгляд, условно, так как, характеризуя динамические структуры, он зависит от целей коммуникации, от актуального членения предложения, которое для большинства сложноподчиненных предложений совпадает с грамматическим членением — на главную и придаточную части. Фиксированный порядок частей обусловлен структурными особенностями и наличием элементов, указывающих на связь данных предложений с предыдущим контекстом.

Преобладание в подязыке математики сложноподчиненных предложений с препозитивной придаточной частью выявляет социофункциональную сущность данного подязыка: придаточная часть называет необходимое условие или указывает на основание вывода, содержащегося в главной части. Это соответствует логической природе условно-следственных отношений в математике.

В художественной прозе доминируют сложноподчиненные предложения с придаточными частями в интер- и постпозиции. Интерпозицию в анализируемых нами текстах придаточная часть занимает в следующих случаях: 1. Когда придаточная часть восполняет лексическую неполноту подлежащего. Подлежащее при этом выражено местоимением-существительным: *Тот, о ком он так часто думал*, был жив, был где-то рядом, а он и не знал об этом (В. Тевекелян). 2. Придаточная часть сужает понятийный объем, конкретизирует, уточняет обстоятельство, имеющееся в главной части: *Поздней осенью, когда ударили первые заморозки*, Михаил привез из Саратова, от знакомых людей, саженцы яблонь разных сортов, груш, слив, вишен, смородины, крыжовника и посадил на расчищенной от леса площадке (М. Алексеев). 3. Придаточная часть называет существенный, отличительный признак предмета или явления, названного в главной части: *И только поговорив с Ценским, посмотрев в огненные его глаза, из которых, казалось, струился неисчерпаемый источник мыслей, образов, так густо напоминающих его произведения*, Алексей понял, что этот человек очень общителен и душевен (Е. Пермитин). 4. Главная часть осложнена обособленным обстоятельством, выраженным деепричастием, и придаточная часть относится к этому обстоятельству, выполняя при этом изоморфную дополнению функцию: *Узнав, что генерал направил Лопатина в полк к Мурадову и Левашову*, полковой комиссар почему-то слегка поморщился, но не возразил, а лишь посетовал, что, к сожалению, не сможет поехать туда с Лопатиным сам, потому что в Дольник через час должно прийти пополнение (К. Симонов). 5. Когда придаточная часть имеет значение вставной конструкции, вносит в главную часть дополнительную информацию, иногда с авторской ремаркой: *Богатейшая будет косовица, жаль только, что прахом пойдет труд людей: сено либо погниет, попреет, либо растащат его, что еще не худшее, а то просто сгинет дуром...* (Ю. Нагибин). 6. Придаточная часть относится к одному из сказуемых в главной части: *Владимирцы давно поняли, что одной землей не*

проживешь, поэтому и уходили из своих деревень на отхожие промыслы, поэтому и появились все эти владимирские богомазы, лапотники, овчинники, валялы, шорники, вышивальщицы (В. Солюхин). 7. Главная часть представляет собой сложносочиненное предложение, а придаточная распространяет одно из простых, входящих в его состав: Сделать так, чтобы наверху оказались добрые, гуманные люди, а злые, жадные, жестокие полетели вниз, — и все будет хорошо... (И. Муравьева). 8. Когда главная часть расчленена, при этом вторая часть представляет собой полное, расширенное либо свернутое повторение первой части, которое необходимо для актуализации содержания. Придаточная часть, находящаяся в интерпозиции, указывает на условие или причину, способствующие утверждению такого факта: Совсем другой оборот, когда имеются контры между начальником и подчиненным, — тут совсем другой оборот (А. Рекемчук). 9. Придаточная часть конкретизирует, определенным образом характеризует разные обстоятельства в главной части: 1) обстоятельство образа действия: Когда Трубников подал ей левую руку, она смутилась и ловко, будто была к этому готова, поймала ее и осторожно встряхнула (Ю. Нагибин); 2) локальное обстоятельство: От соседнего дома, где жил командир дивизии, отделилась тонкая высокая фигура (К. Симонов); 3) темпоральное обстоятельство: Апрельским утром 1932 года, когда Алексей увлеченно собирался в поездку на гусиную охоту в Сибирь, к нему прибежал Васенька Кудашов и еще на пороге громкогласно потребовал: «Кричи «ура!»» (Е. Пермитин).

Таким образом, плюс-валентность интерпозиционных придаточных частей в подъязыке художественной прозы составляет его специфику. Поскольку художественную прозу отличает от других подъязыков оценочно-описательный характер изложения, а описание явлений или предметов объективной действительности требует конкретности и точности, с одной стороны, и ассоциативного мышления — с другой, в нем наблюдается огромное разнообразие языковых средств, и в частности сложных предложений с придаточной частью в интерпозиции. Употребление придаточной части в интерпозиции связано с особенностями лексического наполнения главной части и с семантикой всего сложного целого, так как интерпозитивная придаточная часть призвана восполнять неполноту, уточнять, конкретизировать слово в главной части либо вводить дополнительную информацию, указывать на условие, при котором может осуществиться действие, названное в главной части.

Подъязык драмы специфичен с точки зрения положительной репрезентации в нем сложноподчиненных конструкций с препозитивной придаточной частью. В основе плюс-валентности этих предложений в одних случаях лежат грамматические факторы — модально-временной план частей, особенности лексического наполнения и др.; в других — экстралингвистические факторы, связанные с коммуникативной установкой высказывания. Одной из иллюстраций влияния факторов первого рода может служить следующий

пример: *Как школу кончил, на завод пошел* слесарем, потом инженером стал (В. Александровский).

Препозиция придаточной части вызвана тем, что действие, названное в ней, предшествует действию главной части.

Экстралингвистические факторы, связанные с актуальным членением предложения, действуют при следующих условиях: 1. Время действия главной части совпадает с временем придаточной части, и при этом придаточная часть содержит тему высказывания, а главная часть — рему. Этим и обусловлен порядок следования частей: *Когда я вижу вас около больного, я всегда думаю*: вот из кого получится настоящая сестра милосердия (Н. Долинина). 2. Придаточная часть называет причину, а главная часть — следствие: *Поскольку теперь пережиток прошлого — обручальные кольца — реабилитирован*, весь завод видит: у Жанны на руке сверкает обручальное кольцо (А. Софронов). 3. Придаточная часть, находящаяся в препозиции, является эмфатически выделенной ремой: Мария Петровна, мой вам совет: *чем выкидывать*, лучше покупать меньше (А. Вейцлер, А. Мишарин).

В подъязыке газеты более употребительны сложноподчиненные предложения с постпозитивной придаточной частью. Наибольшее распространение имеют конструкции, структура которых определяется грамматической или семантической природой опорного слова. Отсюда и порядок частей: опорное слово в главной части + придаточная часть. В тех случаях, когда придаточная часть относится ко всей главной части в целом, положение придаточной части детерминировано лексическим наполнением, структурными и семантическими особенностями сложного предложения. Наблюдаются случаи, когда положение придаточной части зависит от актуального членения. Например, в предложении *Советский Союз использует весь свой авторитет и влияние с тем, чтобы процесс разрядки стал необратимым, охватил все районы земного шара, чтобы политическая разрядка была дополнена военной и сделаны новые конкретные шаги к достижению конечной цели — полного и всеобщего разоружения («За рубежом»)* постпозитивность придаточной части обусловлена расчлененностью союза *с тем, чтобы*, что делает порядок частей в этом предложении фиксированным, единственно возможным. А в предложении *Чтобы не изобретать велосипед, конструкторы завели богатейшую картотеку сведений о том, что делается в стране и в мире в области краностроения («Неделя»)* порядок частей зависит от целей коммуникации, т. е. актуального членения предложения.

Метод СВА позволил выявить структурно-вероятностные оппозиции в подъязыках, на основании которых мы можем заключить, что подъязыки различаются количественными показателями одних и тех же элементов. Несмотря на то, что экспериментальные данные выявили, вероятно, не все факторы, обуславливающие позицию придаточной части, считаем возможным сделать вывод о том, что позиция придаточной части есть элемент, зависимый от внутри-

лингвистических и экстралингвистических факторов, и категория «гибкости» сложноподчиненных предложений должна рассматриваться только на уровне динамической структуры предложения.

Список литературы: 1. Андреев Н. Д. Речевые, языковые и метаязыковые вероятности, категориальные меры и вероятностные дифференциальные признаки. — В кн.: Исследования по структурно-вероятностному анализу. Горький, 1976, с. 3—5. 2. Андреев Н. Д. Хомский и хомскианство. — В кн.: Философские основы зарубежных направлений в языкознании. М., 1977, с. 257—283. 3. Ахманова О. С., Панфилов В. З. Экстралингвистические и внутрилингвистические факторы в функционировании и развитии языка. — *Вопр. языкознания*, 1963, № 4, с. 45—57. 4. Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. — 204 с. 5. Василенко И. А. Проблема сложного предложения в науке о русском языке. — В кн.: Мысли о современном русском языке. М., 1969, с. 81—93.

Поступила в редколлегию 05.11.81.

Н. Н. МЧЕДЛОВА-ПЕТРОСЯН, канд. филол. наук
ДИАХРОНИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЛЕКСИКИ АНГЛИЙСКИХ
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ (ОПЫТ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА)

Многочисленные лингвистические работы, посвященные исследованию языка художественной литературы, непосредственным объектом своим имеют язык конкретных авторов или язык отдельных произведений. Поскольку «каждое крупное произведение занимает свое место в контексте современной ему художественной литературы и находится в связи и соотношении не только с другими произведениями того же автора, но и с чужими произведениями того же жанра и даже смежных жанров» [1, с. 157], принято считать, что следует идти от изучения языка отдельного произведения к изучению языка всех произведений данного автора, или от изучения идиолекта к описанию языка данного жанра. Признается также правомерность исследования «особенностей художественного стиля» как «общей и типологической категории» [2, с. 163], противопоставляемой другим стилям [3 и др.], изучения языка художественной литературы в целом в аспекте истории литературного языка [1, с. 97]. Как нам кажется, представляет интерес и иной подход: исходить не из жанровых, а из подязыковых различий внутри общехудожественного языка, как непосредственно составляющих предмет лингвистической науки.

Очевидная неоднородность текстовых массивов художественных произведений создает предпосылку для выделения как лингвистами, так и литературоведами, трех основных типов организации письменной художественной речи, различающихся как в плане выражения (ритмика, композиционные приемы), так и в плане содержания (семантический и эмоциональный строй) [4, с. 75]. В связи с этим мы рассматриваем язык художественных текстов как систему из трех основных подсистем — диалога в прозе, авторского повествования

в прозе и поэтического монолога — соответствующих в вероятностном смысле трем основным литературно-художественным родам: драме, прозе, поэзии. Абсолютное соответствие здесь невозможно вследствие взаимопроникновения подязыков при их реализации в художественных текстах. Так, тексты драматических произведений включают ремарки, представляющие авторскую речь, а прозаические и поэтические произведения содержат в различной степени диалогическую речь. При извлечении выборок для данного эксперимента строго соблюдалась подязыковая однородность, хотя сами подязыки для удобства условно называются подязыками драмы, прозы, поэзии.

В соответствии с принятым в структурно-вероятностном анализе определением под языком понимается совокупность языковых единиц и отношений между ними, заданных некоторой тематикой, при условии, что подязык противостоит другим подязыкам той частью совокупности языковых единиц, которые в нем употребляются гораздо чаще, чем в любом другом подязыке. Следует, однако, отметить своеобразие художественных подязыков, проявляющееся, в частности, в следующем: если специфику всех иных подязыков общенационального языка (таких, например, как подязыки науки, техники, спорта и других социальных сфер функционирования языка) составляют отклонения от общеязыкового распределения и терминов, и характерных нетерминов, то в художественных подязыках специфичная лексика одноприродна (отсутствие терминов при наличии «характеризмов»). Другой особенностью художественных подязыков является то, что различие тематики, задающей их специфику, проявляется между ними не так прямолинейно и однозначно, как между другими подязыками, реализующимися в письменной форме речи. А именно, единая тема всех родов и жанров художественной литературы — «человек и его мир» — получает специфическую интерпретацию в каждом из трех подязыков. Специфика эта выражается в тяготении к тем или иным аспектам общей темы: подязык поэзии используется, в основном, в лирических произведениях, изображающих внутренний мир человека; подязык диалога реализуется преимущественно в высказываниях ситуативного характера, связанных с определенными действиями, т. е. внутренний мир дан опосредствованно, через контакт с внешним миром; авторское повествование представляет в какой-то мере синтетическое изображение того и другого, дает наиболее полную панораму внутреннего и внешнего мира. Следовательно, распределение компонентов единой темы художественной литературы по сферам функционирования ее трех основных подязыков носит достаточно четкий доминантный характер. Говорить об абсолютной закономерности некорректно, поскольку поэтические произведения не ограничиваются лирикой, диалог (в особенности у современных авторов) зачастую сводится почти исключительно к выражению внутреннего «я» героя при полном отсутствии действия, и т. д. С этой особенностью непосредственно связаны и общеизвестные

различия в эмоционально-интеллектуальных нюансах общехудожественной целевой установки. Можно считать поэтому, что выбор аспекта общей темы и выбор варианта общей целевой установки и являются экстралингвистическими факторами, регулирующими в значительной степени различия между художественными подъязыками.

Подъязыковая дифференциация лексики художественных текстов анализируется в функциональном аспекте, представляющемся нам особенно важным с социолингвистической точки зрения: в нем пересекаются и коррелируют семантическая структура словаря (гомоморфная понятийной сфере — отражению окружающей человека действительности и являющаяся, следовательно, открытой системой) и внутренние закономерности языка, как действующей знаковой системы, стремящейся к «закрытости».

Тот факт, что элементы языковой структуры (в нашем случае лексические единицы) характеризуются объективно присущей им степенью вероятности появления, делает наиболее пригодными для выявления вероятностных закономерностей их функционирования статистические методы [5, с. 36—39]. Поэтому в работе используется один из приемов структурно-вероятностного анализа лексики — РС (распределительный словарь), позволяющий охватить обширные текстовые массивы, включающие все слои лексики, в том числе и стилистически нейтральный («упаковочный материал» по выражению Л. В. Щербы), трудно поддающийся выявлению традиционными методами лексикологии. Основной единицей РС является лексема, понимаемая как совокупность всех аллолекс и лексико-семантических вариантов, т. е. «слово в языке» в отличие от «слова в речи» [с. 6, с. 138], «слово — единица словаря» [7, с. 11]. В РС лексема представлена словарной формой как членом парадигмы, наиболее полно обобщающим или наиболее обобщенно отражающим семантическую структуру слова.

Функциональная системность лексики анализируется путем сопоставления структурных группировок, построенных по следующим дифференциальным признакам: подъязыковая специфика функционирования, определяемая типом распределения лексемы по текстам разных подъязыков; активность функционирования, выражаемая через представленность — факт наблюдения лексемы в выборках; принадлежность к традиционным лексико-грамматическим категориям частей речи. Применение дистрибутивно-статистических методов делает эти дифференциальные признаки вероятностными. Таким образом, осуществляется количественно-качественный подход к изучению языковых единиц: статистические показатели распределения лексем в речевом потоке интерпретируются в терминах качественного структурного анализа, причем достижение количественными показателями некоторой пороговой величины (устанавливаемой в каждом отдельном случае либо эмпирически, либо с привлечением математических методов) может свидетельствовать о качественных дифференциациях.

Считая диахронический подход особенно плодотворным при анализе лексики, как наиболее подвижной части языковой структуры [8, с. 104—111], мы предприняли попытку решить поставленную задачу в диахроническом плане. Особая подверженность диахронным изменениям лексического уровня языка, как непосредственно реагирующего на экстралингвистическую действительность во всех ее проявлениях, не вызывает сомнений ни в ком — слишком уж очевиден факт постоянного движения словарного состава. Нас интересовало иное — установить с возможно большей точностью, в каких именно направлениях происходят сдвиги в общехудожественной лексике и в лексике подязыков. Поскольку для адекватного описания естественного, т. е. динамического, состояния языка лингвистика сегодня не располагает необходимым исследовательским аппаратом [9, с. 18; 10, с. 148], был применен единственно возможный путь диахронического исследования в нашем случае — сопоставление распределительных словарей, репрезентирующих английские художественные тексты двух синхронических срезов: 1820—1850 гг. и 1950—1970 гг. Выборочная совокупность эксперимента — 300 тыс. словоупотреблений: по 150 тыс. в каждом срезе. Из текстов XIX в. расписано на карточки 11 162 лексемы, из текстов XX в. — 12 827 лексем. Из полученных таким образом парадигматических списков были отобраны лексемы, прошедшие порог неслучайного появления в текстах. Порог этот был установлен эмпирически на основании данных, полученных целым рядом исследователей, работавших с распределительными словарями разных языков.

Правомерность подхода к языку художественных текстов как к системе из трех основных подсистем подтверждалась данными, получаемыми на всех стадиях эксперимента. Преобладающими закономерностями оказались: дифференциация разноименных подязыков в синхронии и сходство одноименных подязыков в диахронии. Так например, неравномерная наполняемость лексикой стандартных выборок в одну тысячу словоупотреблений обнаружила поразительную диахронную близость одноименных подязыков: число лексем в выборках

	подязыка диалога	п/я авт. пов.	п/я поэзии
XIX в.	от 285 до 464	от 462 до 523	от 386 до 607
XX в.	от 280 до 426	от 400 до 537	от 363 до 599

Если бы мы располагали не только максимальными и минимальными значениями длин словников отдельных выборок, но и их статистическими средними, было бы возможно более точное предсказание длин словников для выборок из текстов различных подязыков. Как видно из приведенных цифр, самыми лексически бедными являются диалогические выборки за счет высокой частотности устойчивых фразеологических сочетаний и повторов, характерных для разговорной речи, художественным отражением которой можно считать диалог. Сопоставление словников авторского повествова-

ния и поэзии свидетельствует о меньшей длине словников авторского повествования и о меньшем разбросе длин: видимо, в поэзии и в размере лексического набора выборки резче проявляется дифференциация авторских индивидуальностей. Списки отмеченных (прошедших порог неслучайного появления) лексем

п/я диалога	п/я авт. пов.	п/я поэзии	
1 448	1 977	2 025	в XIX в.
1 213	1 751	1 960	в XX в.

Порядок убывания списков диахронно постоянен. Уменьшение числа отмеченных лексем во всех подъязыках XX в. позволяет говорить об увеличении числа лексем, не прошедших порог неслучайного появления, т. е. о меньшей повторяемости лексем от текста к тексту — признак большей индивидуализации авторской лексики и синхронного проявления этого свойства во всех подъязыках.

В отличие от других распределительных словарей в наши словари попали лексемы, отмеченные во всех трех подъязыках. Отсюда — их относительно малые размеры: 708 лексем в XIX в. и 747 лексем в XX в. При определении специфичности/нейтральности лексем для того или иного подъязыка с применением математического метода выявилось почти полное диахронное совпадение граничных значений КФ (коррелятивной функции) нейтральных зон семантического пространства для одноименных подъязыков при достаточно явном расхождении для разноименных подъязыков в синхронии (см. нашу статью в Вестнике ХГУ, № 193, Филология, вып. 13, 1980). В каждом из распределительных словарей были выделены списки лексем, обнаруживающих положительную специфичность для одного подъязыка при нейтральности или отрицательной специфичности для двух других подъязыков. Сопоставление длин этих списков также показало диахронно совпадающую последовательность убывания:

	п/я поэзии	п/я авт. пов.	п/я диалога
XIX в.	210	161	154
XX в.	194	190	152

Из приведенного можно заключить, что, если в XIX в. специфичная для поэзии лексика была гораздо многочисленнее таковой в подъязыках авторского повествования и диалога (что объясняется, по-видимому, наибольшей условностью поэтического словаря и ограниченностью тематического диапазона), то современный поэтический словарь, обогатившийся лексикой всех пластов общенационального языка, включая и отрицательный языковой материал, насчитывает большее число лексем, общих для двух других тоже.

В то время как количественные различия между подъязыками в синхронии выражаются в различных длинах списков, качественные различия специфичности выражаются косвенно — в содержании лексем различных типов распределения (их всего шесть),

в значениях коррелятивной функции, отражающей степень интенсивности подязыковой специфичности, независимо от специфики отдельного текста или автора. В подязыке авторского повествования в обоих срезах половину списков специфичной лексики составляют лексемы III типа — наиболее нейтрального из всех, в которых может выразиться специфичность, тогда как в поэзии половину списков составляют лексемы II а типа — с наиболее яркой специфичностью. Следовательно, можно говорить о наиболее интенсивной специфичности поэтической лексики, о слабой специфичности лексики авторского повествования и о близкой к средней специфичности лексики диалога.

Сопоставление подязыковых списков в аспекте представленности лексем, к ним принадлежащих, также выявило диахронно совпадающие различия между подязыками: наибольшую представленность лексем диалога, наименьшую — лексем авторского повествования.

Следующая таблица дает представление о содержании частей речи в списках специфичной для подязыков лексики.

	Существ.	Глаголы	Прилаг.	Наречия	Ост. части речи	
XIX в.	21%	40%	13%	10%	16%	п/я диал.
XX в.	19%	28%	22%	22%	9%	
XIX в.	37%	24%	19%	7%	13%	п/я а. п.
XX в.	36%	27%	12%	14%	11%	
XIX в.	38%	28%	18%	8,5 %	7,5%	п/я поэзии
XX в.	40%	29%	15%	5%	11%	

Здесь не прослеживается столь четкая закономерность диахронной устойчивости долей частей речи, убывающих с уменьшением знаменательности, какая наблюдается на уровне срезов, т.е. по распределительным словарям в целом:

	Существ.	Глаголы	Прилаг.	Наречия	Ост. части речи
XIX в.	31%	27%	16%	11%	14%
XX в.	31%	28%	15%	12%	14%

Возможно, играет роль меньшая численность списков специфичной лексики по сравнению с общими списками распределительных словарей, что делает их менее достоверными статистически. Кроме того, на колебания долей влияет и подязыковая специфика; прежде всего «глагольная динамичность» диалога. Что касается изменения самого набора специфичной подязыковой лексики, расхождение с изменением набора секулярных распределительных словарей в целом весьма значительно. Так, если 67 % лексем распределительного словаря XIX в. сохранились в распределительном словаре XX в., то из специфичной лексики XIX в. сохранилось в XX в.: в п/я диалога 17 %, в п/я авторского повествования и поэзии по 13 %. Такое расхождение можно считать естественным, т. к. специфичная лексика подязыков, находясь на функциональной периферии общенационального, а в нашем случае, общехудожественного словаря, претерпевает наибольшие изменения.

В целом анализ данных эксперимента позволяет сделать вывод о сглаживании подязыковой специфики лексики (общее число лексем, специфичных только для одного подязыка, уменьшилось с 74 % до 71 %), в основном, за счет сокращения специфичной лексики поэзии и возрастания такой лексики в подязыке авторского повествования.

Списки лексем, сохранивших специфичность для подязыков:

подязык поэзии	подязык диалога	подязык авт. повеств.
around	to ask	also
to burn	glad	to join
dead	to help	to remain
dream	to hope	pair
to dream	to like	to become
garden	to mean	to close
to grow	to need	door
heart	to please	end
land	right	feeling
to share	something	house
sun	to talk	into
sweet	to tell	least
to touch	to want	moment
wild	what	often
wind	bad	to prepare
break	to do	room
to change	else	to spend
eye	ever	strong
to hold	to get	therefore
king	here	three
nature	to kill	without
red	much	
round	nothing	
to sleep	sister	
to smile	sure	
through	that	
to turn		
while		

Список литературы: 1. Виноградов В. В. О языке художественной литературы. — М.: Гослитиздат, 1959. — 645 с. 2. Будагов Р. А. Литературные языки и языковые стили. — М.: Высш. школа, 1967. — 376 с. 3. Кожина М. Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. — Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1972. — 395 с. 4. Поспелов Г. Н. Проблемы литературного стиля. — М.: Изд-во МГУ, 1970. — 329 с. 5. Головин Б. Н. О роли статистики в описании языковых и речевых стилей. — В кн.: Тезисы II межвуз. конф. Минск, 1968, с. 36—39. 6. Амосова Н. Н. Слово как элемент речи. — В кн.: Вопросы теории и истории языка. Л.: Изд-во ЛГУ, 1969, с. 138—143. 7. Пиотровский Р. Г., Бектаев К. Б., Пиотровская А. А. Математическая лингвистика. — М.: Высш. школа, 1977. — 383 с. 8. Vachek J. A Note on Future Prospects of Diachronistic Language Research. In.: Selected Writings in English and General Linguistics. — Prague: Academia, 1976, p. 104—111. 9. Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании. — М.: Изд-во иностр. лит., 1954. — 98 с. 10. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история (проблема языкового изменения). — В кн.: Новое в лингвистике, вып. 3. М.: Прогресс, 1963, с. 143—234.

Поступила в редколлегию 10.11.81.

Н. С. ДОРОШЕНКО
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПОЛЯ ОДУШЕВЛЕННОСТИ
В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Одной из актуальных задач сопоставительного изучения словообразования признается сопоставление деривационных систем в ономаσιологическом аспекте. При этом в качестве семантического инварианта деривационных систем сопоставляемых языков используется словообразовательное значение — «общая для ряда производных слов семантическая реляция их структурных компонентов, основанная на корреляции этих производных и соответствующих производящих» [2, с. 12]. В настоящей статье исследуются и сопоставляются фрагменты словообразовательных систем русского и английского языков — словообразовательные поля одушевленности. Под словообразовательным полем понимается совокупность деривационных формантов (в данном случае — субстантивных суффиксов), служащих для передачи словообразовательно-категориального значения и сообщающих производным определенные значения грамматических категорий [5, с. 10; 3, с. 90]. Такими грамматическими значениями для поля одушевленности (поле деятеля у О. Г. Ревзиной [5, с. 10]) в русском языке является одушевленность и расчлененность, а в английском языке — еще и определенность [4, с. 86].

По своему характеру словообразовательные значения поля одушевленности делятся на мутационные и модификационные [6, с. 101]. В словообразовательном поле одушевленности в русском языке (далее РЯ) выделяются следующие модификационные значения: женскость, невзрослость, субъективная оценка, стилистическая модификация [1, с. 200]. Модификационное значение женскости представлено в образовании от одушевленных имен существительных, имеющих в своем значении компонент мужского пола (в РЯ — существительных мужского рода), дериватов — названий: а) лица женского пола или жены лица, названного мотивирующим словом; б) самки животного. В обратном словаре РЯ [8] зарегистрировано около 2730 дериватов, образованных по этой модели. По данным словарей [9; 10], в английском языке (далее АЯ) словообразовательное значение женскости представлено приблизительно в 320 суффиксальных производных. Суффиксы *-к(а)* (и его алломорфы, представленные в словах *пионерка, фронтовичка, скрипачка, воровка, корейнка*) и *-иц(а)* (*певица, тигрица*) образуют наибольшие ряды производных во всем поле одушевленности РЯ (соответственно 1130 и 1110 дериватов). Это свидетельствует о существовании «пики системности» в словообразовании наименований лиц женского пола в РЯ (5, с. 47). Интернациональные суффиксы *-есс(а)* (*поэтесса*), *-ис(а)* (*актриса*), *-|и|н(я)* (*героиня*), *-ин(а)*, (*гофмейстера*) находятся на периферии подполя женскости, хотя *-есс(а)*, *-ис(а)*, *-|и|н(я)* обнаруживают некоторую активность в образовании преимущественно разговорных, шутливых

дериватов (*докторесса, инспектриса, шефиня*) (1, с. 203), соединяясь при этом с заимствованными основами.

В английских дериватах со значением женскости употребляются исключительно заимствованные суффиксы. Здесь доминируют корреляты интернациональных суффиксов *-ess(a)* и *-uc(a)* — *-ess* (230 дериватов) и *-ix* (50 дериватов). Суффикс *-ess* — единственный формант, который может присоединяться не только к романским основам (*thuggess*). Дериваты с суффиксами *-ine* (*heroine*), *-ina* (*tsarina*), *-ette* (*farmerette*), *-enne* (*tragedienne*) диахронически являются заимствованиями (всего таких дериватов не более 20).

Таким образом, при отсутствии регулярного суффиксального противопоставления существительных по полу, модификационное значение женскости в АЯ суффиксально передается заимствованными (главным образом интернациональными) средствами.

Модификационное значение субъективной оценки представлено отсубстантивными дериватами — названиями лица или животного, характеризующимися дополнительной оценочной экспрессией. В РЯ это уменьшительное, ласкательное, уменьшительно-ласкательное, уничижительное, уменьшительно-уничижительное и увеличительное значения [1, с. 208]: *зверёк, муженёк, братец, типчик, мушкетёрка, рыбина*. Суффиксальные средства выражения субъективной оценки в РЯ превосходят английские по числу, продуктивности моделей и разнообразию значений. Так, английским производным не свойственно чистое значение ласкательности, а уменьшительно-ласкательным значением обладают лишь дериваты с суффиксами *-iel-y* (*birdie, sonny*) и *-kin* (*lambkin*). Несколько лучше представлены в АЯ уничижительное (*poetaster, partiotter*) и уменьшительно-уничижительное значения (*kinglet, princeling*). Суффиксы субъективной оценки в АЯ строго избирательны по отношению к мотивирующей основе — она должна быть одноморфемной и преимущественно исконной. В АЯ зафиксированы отдельные дериваты с суффиксом *-eer*, имеющие пейоративное значение. Данная модель не является однако интернациональной.

Модификационное значение невзрослости передается в РЯ отсубстантивными образованиями названий лиц или животных, характеризующихся детскостью, невзрослостью. Соответствующими формантами являются: *-o|нок* (мн.: *-a|m(a)*) (144 производных), *-оныйш, -чук, -енец* (всего 7 производных). В АЯ собственно модификационное значение невзрослости не выделяется. Некоторые существительные с суффиксами *-let* (*toadlet*), *-iel-y* (*froggie*), *-ling* (*duckling*), *-kin* (*tigerkin*), мотивированные названиями представителей зоосемии, имеют одновременно со значением уменьшительности значение «детеныш названного мотивирующим словом животного». Значение невзрослости передается также в единичных образованиях названий лица (*fopling* — «молодой щеголь, фат» от *fop* — «щеголь, фат»).

Выражение значения стилистической модификации в статье не

рассматривается, так как должно, по нашему мнению, стать предметом специального исследования.

Мутационные словообразовательные значения поли одушевленности характеризуются иерархической организацией, наличием инвариантных и неинвариантных значений [6, с. 103]. Наиболее общим инвариантным значением является указание на принадлежность деривата к семе «одушевленность». Более узкими инвариантными значениями являются названия лиц и названия представителей зоосемии. На следующем этапе членения получаем инвариантные значения: 1) «лицо, имеющее отношение к действию», 2) «лицо по предмету, орудию, средству, материальному условию, продукту деятельности», 3) «лицо по отношению к субстанции или качеству». Дальнейшее членение дает неинвариантные значения: 1а) «лицо — производитель действия», 1б) «лицо — объект действия», 3а) «лицо — житель, уроженец страны, территории» (инвариантное значение) «с входящими в него семами «национальная характеристика» и «топонимическая характеристика» (неинвариантные значения); 3б) «лицо — последователь лица или учения, общественного или религиозного направления, общественной группировки» (инвариантное значение) с семами «идеологическая ориентация» и «общественная принадлежность» (неинвариантные значения); 3в) «лицо, названное по характерному качеству или предметному признаку» с выделяемыми в нем семами «качественная характеристика» и «предметно-признаковая характеристика». Кроме того, в РЯ существует еще словообразовательное значение «лицо—сын/дочь того, кто назван мотивирующим словом» (-ович/-евич/-ич, -овна/-евна/-ична).

Все дериваты поля делятся нами на подполя в соответствии с выделенными выше значениями. Такое деление является, конечно, условным, а границы подполей — нечеткими. Однако этот прием позволяет, как нам кажется, яснее и нагляднее представить черты сходства и различия в передаче общих словообразовательных значений в сопоставляемых языках.

Словообразовательное значение «лицо—производитель действия» представлено в 1800 дериватах РЯ и в более чем 3000 дериватах АЯ. Подполе «лицо — производитель действия» представлено в таблице

РЯ	—	-щик/ -чик	-тель	-ец	-ер/ -ор/ -ёр	-л(а), -ник/ -ик	-ант, -к(а), -ун, -х(а)- -ак(а), -ент	-ач, - а г(а) -ок, -аль, -е а), -ш(а), -ц(а), -ист
АЯ	-er/ -or	—	—	—	—	-ant/ -ent	-ist	-ling, -ster, -ess, -ard, -ee, -erel
К-во дериватов	>3000	>600	>400	>200	>100	>50	>10	≥1

В подполе производителя действия выделяется по своей неограниченной продуктивности английский суффикс *-er*. Общее количество производных с этим суффиксом в поле *nomina agentis + instrumenti* достигает 5 тысяч, причем исследователи единодушно отмечают, что дериваты на *-er* могут быть образованы практически от любого глагола и глагольной синтагмы как ситуативные производные. Центр подполя производителя действия в АЯ практически создается этим одним интернациональным суффиксом, т. е. значение агентивности системно выражается средствами суффиксации, и притом с помощью единственного форманта. Другие действующие в подполе форманты образуют производные с вариантными значениями профессиональности (*-ant: servant; -ist: copyist*) или временности совершения действия с указанием на терминологический характер (*-ant: defendant* юрид.)

В РЯ названия действующего лица более равномерно распределяются между доминирующими суффиксами подполя *-щик/чик, -тель, -ец*.

Подполе «лицо — объект действия» представлено немногим более десятка дериватов в РЯ и более чем 200 дериватами в АЯ.

РЯ		-ыш, -ат	-ень, -ант	подкидыш, делегат, кастрат, баловень, арестант
АЯ	-ee	-ory/ -ary	-ant	employee, trainee, donatory, depositary (оба — юрид.)
К-во дериватов	>200	>1	=1	Примеры

В АЯ это словообразовательное значение передается в основном одним суффиксом *-ee*, однако его высокая продуктивность позволяет считать значение объекта действия в АЯ системно выражаемым средствами суффиксации. В РЯ значение «лицо — объект действия» передается системно страдательными причастиями и эпизодически — путем образования суффиксальных производных существительных от страдательных причастий и отглагольных прилагательных (посланец, отверженный).

Подполе «лицо по предмету, орудию, средству, материальному условию, продукту деятельности» объединяет около 1300 дериватов в РЯ и более 500 дериватов в АЯ:

РЯ	-щик/-чик	-ист	-ник/ -ик	-ер/ -ор, -ец, -арь	-ант, -мей- стер	-ов(ой), -ач, -смен, -ар, -нич(ий) -ент, - а х, -арий, -ей, -ан-ин, -ш(а), -ург, -евт, -ит, -ман, -ух
АЯ	-ist	—	-ег/ -ог	-an/ -ian	-ster	-ee, -ite, -ant
К-во дериватов	>400	>300	>100	>30	>10	≥1

Подполе «национальная или топонимическая характеристика» (около 230 дериватов в РЯ, около 160 дериватов в АЯ) может быть представлено следующей таблицей:

РЯ	-ец	-ан, -ин	-ич	-ин, -арь, -ит, -ат, -иот, -ал
АЯ	—	-an/-ian, -ite	-ег, -i, -ese	-ist, -ard, -ine, -eer
К-во дериватов	>100	>40	>10	≥1

Словообразование существительных с этим значением в РЯ и АЯ ведется в основном средствами суффиксации (в АЯ еще и субстантивации прилагательных) от основ главным образом имен собственных (географических названий). Однако и в количестве формантов, и в структуре подполей сравниваемых языков наблюдаются отличия.

Словообразовательное значение «идеологическая или общественная характеристика» (около 420 дериватов РЯ и около 380 дериватов АЯ) распределяется по различным формантам следующим образом:

РЯ	—	-ист	-ец	-ик	-ер/-ёр, -ан-ин, -ат, -ит, -ент, -ник	-ар, -ич, -арий
АЯ	-ist	—	—	-an/ -ian, -ег, -ite	-nik, -ent	-ard
К-во дериватов	>300	>200	>90	>20	<10	=1

Средства суффиксального образования производных данной тематической группы в АЯ полностью интернациональны. В РЯ действует лишь один продуктивный неинтернациональный суффикс *-ец* (23 % производных группы: *комсомолец, старообрядец, эпикуреец*). К данной группе относятся несколько производных с интернациональным суффиксом русского происхождения *-ник/-nik*: *пятидесятник, тридцатитысячник; peacenik, protestnik* — слова, образованные в 60—70-е годы по образцу слова *beatnik* [7, с. 178—179]. Несколько дериватов на *-nik* относятся к производным со значением качественно-предметной характеристики (*rocknik, popnik, far-outnik*).

Тематическую группу «лицо по предметно-качественной характеристике» составляют свыше 400 дериватов в РЯ и АЯ:

РЯ	—	-ец	-ист, -ник/ -ик	-к(а), -ок, -ер/-ор, -ан, -ак, - а г(а)	-ач, -щик, -ин(а), -уг(а), -ул(я), -ун, -ш(а), -ай, -ух(а), -арь, -аш, -ук(а), -иц(а), -ей, -ан-ин, -ит, -ент, -он(а), -ош(а), -ат, -ал
АЯ	-ist	—	-er	-ling, -ster	-ian, -eer, -ie/y, -ard, -ee, -erel, -ary/ory, -ite, -nik
К-во дериватов	>200	>100	>50	>10	>1

В дериватах группы доминируют суффиксы: интернациональный *-ist* (в АЯ (более $\frac{1}{2}$ всех производных подполя: *cynicist, druggis*), неинтернациональный *-ец* в РЯ (около трети производных группы: *ленивец, иждивенец, сквернословец*). В РЯ наблюдается значительно большее, чем в АЯ, разнообразие формантов и структурных моделей деривации.

Сопоставление словообразовательных полей одушевленности в РЯ и АЯ показывает, что поля имеют некоторые различия в представленных словообразовательных значениях (наличие значения «лицо — сын/дочь лица, названного мотивирующим словом», «название животного» в РЯ и их отсутствие в АЯ).

Гораздо существеннее различается структура сопоставляемых полей. В РЯ в поле одушевленности входят 69 суффиксов, в АЯ — 23 суффикса (алломорфы при подсчете не учитывались). Центр поля одушевленности в РЯ составляют 23 суффикса: *-к(а), -иц(а), -щик/-чик, -ист, —ник/-ик, -ец, -тель, -ниц/(а), -ер/-ор, -ш(а), -|о|нок, -|а|, -их(а), -ан-ин, -л(а), -ант, -арь, -ун, -ак, -ок, -ач, -ин(я), -|и|ш*. В АЯ центр поля одушевленности представлен 14 суффиксами: *-er/or, -ist, -ess, -ee, -ant/-ent, -(i)an, -ite, -ling, -eer, -ix, -ie/-y,*

-ster, -let, -ary/-ory. Английские форманты обладают большей средней продуктивностью, чем русские (2/3 поля в РЯ составляют суффиксы, образующие цепочки менее чем 20 производных. В АЯ таких суффиксов менее половины; 1/6 поля в РЯ — уникальные суффиксы).

Шкала продуктивности центра поля одушевленности в АЯ характеризуется «дискретностью», здесь резко выделяются максимально продуктивные суффиксы *-er/or* (около 3,5 тыс. дериватов), *-ist* (1100 дер.). Инвариантное значение суффиксов — название лица, дериваты относятся к 5 словообразовательным значениям, суффиксы моносемантически, т.е. входят только в смысловую группу агентивности, практически безразличны к частеречной отнесенности, степени производности, морфемной структуре и этимологической характеристике производящих основ. Следующие за ними на шкале продуктивности суффиксы *-ess,-ee, -ant/-ent, -ian, -ite* образуют значительно меньшие цепочки производных (позиции продуктивности от 1000 до 300 единиц в английском поле одушевленности оказываются незанятыми). Эти суффиксы обладают и меньшим набором мутационных словообразовательных значений (не более 4-х), и большей избирательностью по отношению к деривационной (0,1-я степень производности) и этимологической характеристике производящих (например, для суффикса *-ee* около 94 % производящих — французского происхождения).

В английском поле одушевленности каждому из выделенных условных словообразовательных подполей и — соответственно — словообразовательных значений можно поставить в соответствие основной, доминирующий в подполе суффикс: *-er* — подполе производителя действия, *-ee* — подполе объекта действия, *-ian* — «национальная характеристика», *-ite* — «топонимическая характеристика», *-ist* — подполе «лицо по предмету, орудию, материальному условию деятельности», «идеологическая и общественная характеристика», «предметно-качественная характеристика».

В РЯ шкала продуктивности характеризуется более плавными переходами. Здесь нет таких «сверхпродуктивных» суффиксов, как английский *-er*. Собственно ядро поля составляют суффиксы дериватов с мутационными словообразовательными значениями: *-щик/-чик* (~1200 дериватов), *-ист* (~800 дер.), *-ник/-ик* (почти 800 дер.), *-тель* (~500 дер.). В отличие от АЯ выделенным условным подполями трудно поставить в соответствие единственный безусловно доминирующий в подполе формант, т. к. обычным для РЯ является, по-видимому, доминирование двух (или более) близких по продуктивности суффиксов, разнящихся дистрибутивными характеристиками и/или оттенками значения. Такая ситуация, наблюдается, например, в подполе «лицо по предмету, орудию, материальному условию, продукту деятельности», где доминируют суффиксы *-щик/-чик* и *-ист*. Являясь синонимами по значению тематической группы, эти суффиксы имеют различия в передаче более узких значений. Так, суффикс *-щик/-чик* оформляет в большинстве случаев названия лиц по предмету, механизму, оборудованию,

с которым работает лицо: *паркетчик, револьверищик, водопроводчик*. Суффикс *-ист* оформляет названия лиц по тому, что они изучают, в чем они специалисты (почти 1/3 дериватов: *политэкономист, геодезист*); продукту (материальному или духовному) их деятельности (1/4 дериватов: *фельетонист, рекордист*); музыкальному инструменту, на котором они играют (1/6 дериватов: *фаготист*); спортивному снаряду, игре, виду спорта (1/9 дериватов: *велосипедист, шпажист, фигурист*). Соответственно различия и лексико-грамматическая принадлежность производящих основ для *-щик* и *-ист*. В подполе «предметно-качественная характеристика» примерно равные по продуктивности доминирующие суффиксы *-ец* и *-ист* различаются по формально-валентностным свойствам: мотивирующие основы для *-ист* в подавляющем большинстве случаев субстантивные (*службист, морфинист, эгоист*), в то время как дериваты на *-ец* мотивируются прилагательными (*ленивец, мерзавец*), страдательными причастиями и отглагольными прилагательными (*оборванец*) и гораздо реже — существительными на *-ение* (*исжидивенец*). Расхождения в структурной организации поля и подполей предопределяют различия в функционировании сходных материальных представителей поля — интернациональных суффиксов.

О несовпадении семантической наполненности интернациональных суффиксов свидетельствуют данные приведенных таблиц. Для количественной оценки степени интернационализации словообразовательных полей в АЯ и РЯ сравним следующие данные: доля интернациональных формантов в центре поля в РЯ (26 %) и АЯ (64 %), доля дериватов с интернациональными формантами среди всех дериватов, образуемых с помощью суффиксов центра поля, в РЯ (33 %) и АЯ (94 %). Неодинаковую степень интернационализации проявляют группы дериватов с разными словообразовательными значениями. В обоих языках наиболее интернациональным является подполе «идеологическая или общественная характеристика» (100 % дериватов и формантов в АЯ, 83 % формантов, 76 % дериватов в РЯ). Наиболее национально-специфичным оказывается выражение модификационного значения субъективной оценки (отсутствие интернациональных формантов в подполе). Между верхней и нижней границей интернационализации словообразовательные значения распределяются в сопоставляемых языках (по доле дериватов) следующим образом: РЯ: «субъективная оценка», «невзрослость», «представитель зоосемии» (о) — «женскость» (2 %) — производитель действия (10 %) — «топонимическая и национальная х-ка» (21 %) — «объект действия» (33 %), — «предметно-признаковая и качественная характеристика» (40 %) — «лицо по предмету ... деятельности» (48 %) — «идеологическая и общественная х-ка» (76 %); АЯ: «субъективная оценка» (о) — «объект действия» (4 %) — «предметно-признаковая и качественная х-ка» (86 %) — «лицо по предмету ... деятельности» (96 %) — «женскость» (97 %) — «производитель действия» (98 %) — «топонимическая и национальная х-ка», «идеологическая и общественная характеристика» (100 %).

Различия в семантико-функциональной характеристике наиболее резко выступают у интернациональных суффиксов *-erl-er*, *-upl-eer*, *-an-in/(i)an*, *-ecc(a)/-ess* (семантический диапазон и сочетательные возможности больше у английских формантов); *-nik/-nik* (суффикс заимствован и осваивается в АЯ лишь в малой части словообразовательных значений).

В РЯ на словообразовательном уровне выделяются суффиксы интернациональных существительных *-ик*, *-ат*, *-ал* (*меланхолик* *дегенерат*, *провинциал*), английские корреляты которых не вычленимы как субстантивные словообразовательные форманты, так как существительные на *-ic*, *-ate*, *-al* в АЯ являются продуктом субстантивации. В результате возникает парадоксальная на первый взгляд ситуация, когда в одном из сопоставляемых языков оказывается больше интернациональных формантов, чем в другом. Так различия в структуре словообразовательных систем языков проявляются и на тех участках, где преобладают черты сходства (в данном случае — в подсистеме мотивации интернациональных существительных).

Список литературы: 1. *Русская грамматика*: в 2-х т. — М.: Наука, 1980. — Т. 1. 783 с. 2. Манучарян Р. С. Проблемы исследования словообразовательных значений и средств их выражения: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. — Ереван, 1975. — 36 с. 3. Мурысов Р. З. Структура словообразовательных полей лица и инструмента в современном немецком языке. — Вопросы языкознания, 1972, № 4, с. 90—99. 4. Плоткина К. З. О полевой природе имени существительного в английском языке. — Филологические науки, 1975, № 4, с. 83—90. 5. Ревзина О. Г. Структура словообразовательных полей в славянских языках. — М.: Изд-во МГУ, 1969. — 154 с. 6. Улуханов И. С. Словообразовательные отношения между частями речи. — Вопросы языкознания, 1979, № 4, с. 101—110. 7. Adams V. An Introduction to Modern English Word-Formation. — London: Longman, 1973. — 217 p. 8. *Обратный словарь русского языка*. — М.: Сов. энциклопедия, 1974. — 944 с. 9. *The Concise Oxford Dictionary of Current English*, 5th ed. — Oxford: Oxford University Press, 1969. — 1563 p. 10. *Rückläufiges Wörterbuch der englischen Gegenwartssprache*. Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie, 1971. — 596 S.

Поступила в редколлегию 10.11.81.

Л. КАБАЛЬЕРО ДИАС

ОЦЕНОЧНЫЕ СРЕДСТВА НЕОПРЕДЕЛЕННО-БОЛЬШОГО КОЛИЧЕСТВА В РУССКОМ И ИСПАНСКОМ ЯЗЫКАХ

Проблема оценок в узком понимании (проблема добра и зла) стала особым разделом логики [4, с. 32], но специфика оценочных языковых средств, отражающих оценочную направленность человеческого сознания в целом, является предметом изучения и исследования в языкознании. Здесь необходимо определить и описать языковые средства выражения оценочных понятий (качества, количества, времени и пр.). Для решения этой задачи требуется помимо всего, полное описание основных средств выражения той или иной оценки (оценочной семемы), а также выявления способов проявления этой семемы в семантической структуре языка и в речи.

Установление набора лексико-фразеологических единиц, выражающих то или иное понятие, приводит к созданию своего рода классификации. Если классификация ограничена одним каким-либо уровнем языка, то представ-

ление об оценочной семеме (в данном случае, семеме НБК — неопределенно большого количества) и средствах ее выражения остается, естественно, неполным. Необходимость полного освещения способов проявления оценочной семемы НБК заставляет обратиться к концепции функционально-семантических полей, разработанной в советском языкознании [2; 3], и к ее интегрированию со сравнительно новой областью теории номинации [6]. При этом на первый план выходит динамическая сторона языка, взаимодействие разных уровней и классов языка при выражении данного оценочного понятия.

Однако обнаружению взаимодействий и динамических процессов при любых условиях предшествует установление тех единиц, которые взаимодействуют. По отношению к лексико-фразеологическим средствам выражения НБК в русском языке задача наиболее полного описания и классификации была решена исследовательской группой в Харьковском университете под руководством профессора В. В. Акуленко. Сводная таблица, составленная на материале русского языка, может служить типологическим эталоном для других языков. Опыты использования этого типологического эталона уже описаны [1; 5]. Он содержит около 70 разрядов. При сопоставлении данных этой таблицы с данными испанского языка наблюдаются наряду с преобладающим сходством также и заметные расхождения, которые затрагивают все сферы словаря, включая и средства прямой номинации.

В целом языки расходятся по двум основным параметрам: 1) количеству системных путей и их специфичности; 2) характеру и степени нормативного заполнения открытых возможностей, представляемых языковой системой. Сходства и различия между испанским и русским языками при выражении НБК проявляются на различных уровнях сопоставления. В целях системного описания сходств и различий мы постулируем три основных уровня сопоставления, на которых они находят отражение: А. Сходства и различия на уровне сопоставления способов номинации (прямой и вторичной). Б. Сходства и различия на уровне сопоставления общих номинативных классов (наиболее общих системных путей и их нормативного заполнения). В. Сходства и различия на уровне разрядов и подразрядов внутри номинативных классов.

Номинация имеет ряд аспектов (семиологический, гносеологический и др.), но внутренняя характеристика номинации, важная для лингвистической классификации ее средств, связана с выделением двух основных способов: прямой и вторичной номинации. Вторичная номинация, или использование уже имеющихся в языке номинативных средств в новой для них функции наречения [4, с. 129], обычно опирается на внутреннюю форму словесных наименований, являющихся семантическим основанием переноса. Естественно, что и при сопоставлении необходимо принимать во внимание взаимодействие способов номинации между собой (замен одного способа другим), а также взаимодействие способов номинации с различными уровнями единиц языка (морфем, лексем, фразем, предложений) и с уровнем языковой абстракции (система норма языка, норма речи, текст).

А. Сходства и различия на уровне сопоставления способов номинации (прямой и вторичной).

Здесь можно выделить три основных случая: 1. При переходе от одного языка к другому способ номинации сохраняется, и функция выражения НБК остается за языковыми единицами того же уровня. Этот случай может рассматриваться как проявление типологического сходства. 2. Способ номинации сохраняется, но функция выражения НБК в двух языках выполняется единицами разных уровней. Причины расхождений связаны с расхождениями на одних и тех же уровнях языковой абстракции: с наличием или отсутствием системных путей, с нормативностью сочетаемости и т. п. 3. Способ номинации не сохраняется при переводе с одного языка на другой. Причину расхождений здесь нужно искать в характеристиках системы и нормы языка, нормы речи, а также конкретных сегментов текста.

Указанные три возможности с известным упрощением можно назвать полным соответствием (1), частичным соответствием (2) и несоответствием способов номинации (3). Рассмотрим несколько примеров:

1. Полное соответствие

Над необозримым человеческим морем взмыв *лес рук*.

Y eso que detrás de sus palabras se abrían compas de recuerdos.

El inabarcable mar humano se alzó con un bosque de brazos.

Плелись словеса, а за ними проглядывали *поля воспоминаний*.

2. Частичное соответствие

Así pasó la mar de tiempo.

Много воды с той поры *утекло*.

Непринятость сочетания *море времени* не означает отсутствия системного пути (ср. море слез, море рук и т. п.). Здесь сема НБК как бы переносится со словосочетания *la mar de tiempo* на более сложную единицу *много воды* (с той поры) *утекло* (ср. исп. *ha caído mucha agua*).

3. Несоответствие способа номинации

Las mujeres se asomaban a las puertas de las chozas. Algunas mar impacientes, corrieron al encuentro de la comitiva, seguidas de una nube de chiquillos.

В дверях лагун показывались женщины. Некоторые — им не терпелось — побежали навстречу шествию, *сопровождаемые детишками*.

Как видно из последнего примера, замена способа номинации может сопровождаться потерей образности и исчезновением семы НБК или заменой ее семой неопределенного количества (НК). Сравните: seguidas de una nube de chiquillos (НБК) — *сопровождаемые детишками* (НК).

Б. Сходства и различия на уровне сопоставления номинативных классов. Номинативный класс НБК (класс номинации) в функционально-семантическом микрополе НБК мы понимаем как наиболее общее объединение системных путей и их нормативное заполнение. Следовательно, в номинативном классе можно выделить две стороны: 1) системный путь; 2) нормативное заполнение системного пути. Путь первичной номинации заполняют лексемы и фраземы в их прямых значениях. В рядах же вторичной номинации на первом плане выступают языковые образы, сходные внутренние формы словесных наименований, грамматические и семантические функции.

При сопоставлении системных путей прямой номинации возможно выделить в качестве номинативных классов некоторые части речи, в которых узуально оформляются лексемы, выражающие значение НБК в своих прямых значениях. В русском и испанском языках это существительные (*множество, масса, обилие, изобилие, многочисленность* и др., muchos, multitud, copia, abundancia, numerosidad и др.), наречия (*много, многократно, изобильно, изрядно...* — mucho, numerosamente, abundantemente, copioso и др.), прилагательные (*многократный, многочисленный, массовый, обильный...* — numeroso, copioso, abundante и др.), глаголы (*множиться, обильовать, изобильовать...* — multiplicarse, abundar, superabundar и др.). Среди них, как и в микрополе НБК в целом, центральное место занимают лексемы *много* — muchos, которые являются ядерными лексемами микрополей, т. е. наиболее универсальными, устойчивыми и нейтральными средствами передачи НБК.

Номенклатура рядов (классов) прямой номинации включает также большую группу свободных словосочетаний, в которых ключевой лексемой выступают существительные с семой НК, а в качестве определителей — прилагательные с семой 'большой' (Б). Сравните: рус. *количество, доза, доля, часть, объем* и др. + прилагательные *большой, огромный, немалый* и др.; исп. dosis, parte, cantidad, numero и др. + прилагательные gran, gigantesco, enorme и др. Этот ряд словосочетаний субстантивного типа в испанском и русском языках образуется по формуле $A_{dj} + N$ с определителем в препозиции. Формула с определителем в постпозиции ($N + A_{dj}$) является в обоих языках маркированной. Ее использование чаще всего связывается с прагматическим (эмоционально-оценочным) способом номинации, с соответствующим изменением интонации и тяготением к предикативности (ср. *огромное количество* — *количество огромное*; una enorme cantidad — una cantidad enorme).

Классы вторичной номинации обнаруживают значительные системные сходства, которые выражаются в наличии множества общих путей, в основе

которых лежат главные направления переносов и внутренняя форма словесных наименований. Как в русском, так и в испанском, языках существуют образы большого (напр., большое неопределенное число: рус. *сотни, тысячи...*, исп. *cientos, millares, miles* ...), образы природных явлений (рус. *море, океан...*, исп. *mar, océano* ...), образы совокупностей упорядоченных и беспорядочных (рус. *армия, легион, толпа* ..., исп. *ejército, legión, muchedumbre...*), образы движущихся совокупностей (рус. *караван, кортеж* ..., исп. *caravana, cortejo* ...), образы различных артефактов (рус. *сети, запл.*, исп. *redes, salva*), образы сильного, интенсивного (рус. *под грузом чего-либо*, исп. *cargado de* ...), образы общего (рус. *мир чего-либо...*, исп. *un mundo de* ...), образы полного (рус. *от края до края* ..., исп. *de punta a punta...*).

Вместе с тем, каждому из языков свойственны специфические черты — наличие особенных классов или подклассов (разрядов), которые отражают национальную специфику. В испанском языке это, например, своеобразные образы быстро распространяющегося или широко распространенного нежелательного явления, приводящего к поражению множества объектов (сп. *peste, apestar, apestado de; plaga, plagar, plagado de; inpestar, inpestado de* ...); образы чрезмерного аппетита, чрезмерных страстей (*lujuria, gula, vicio, lujuriosamente, descosidamente, como un descosido*), образы ударов (*golpe de gente, agolparse, agolpamiento, porrada*) и др. В русском языке это образ большого куска (*кус, куш*), образ полного уничтожения (*гибель чего-либо, до гибели, чертова гибель*) и др.

Сопоставление на уровне классов имеет системно-нормативный характер и способствует, прежде всего, установлению сходств и различий в системных путях двух языков. Следующий, более конкретный уровень сопоставления (разрядов и подразрядов номинации) имеет двойкий характер. Он включает как системно-нормативное сопоставление, заключающееся в установлении групп единиц на основании общности семантических компонентов и противопоставления по одной или нескольким дифференциальным семам, так и нормативно-речевое сопоставление, охватывающее контекстуальные реализации НБК и различные вариации, обусловленные нормой речи.

Итак, создание типолого-сопоставительной модели описания оценочного понятия возможно при соответствующей интеграции различных ономастических концепций, а именно: теории функционально-семантических полей и теории номинации с применением сопоставительно-ономастического подхода.

Предлагаемая методика сопоставления испанских и русских лексико-фразеологических наименований включает ряд соотносимых понятий:

1) уровни языка; 2) уровни сопоставления; 3) типы (способы) номинации.

При этом выявляются национальная специфика и сходные черты двух языков. Сопоставление здесь имеет двунаправленный характер, так как фонетический язык и язык-объект могут меняться местами. Такой подход дает возможность не только рассмотреть один из языков с позиции другого, но и установить, что не менее важно, как оба языка объективно соотносятся.

Список литературы: 1. Акуленко Л. Г. Семантические системы неопределенно большого и малого количества в немецком и русском языках. (Сопоставительный анализ). — Вестн. Харьк. ун-та, № 170. Иностр. языки, вып. 11. Харьков: Вища школа, 1978, с. 7—13. 2. Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. — Л.: Наука, 1976. — 255 с. 3. Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. — М.: Просвещение, 1964. — 116 с. 4. Ивин А. А. Основания логики оценок. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. — 124 с. 5. Клименко Н. Л. Английская и русская микросистемы неопределенно большого количества в сопоставительном и переводческом аспектах. — Вестн. Харьк. ун-та, № 165. Филология, вып. 11. — Харків: Вища школа, 1978, с. 67—82. 6. Языковая номинация. (Виды наименований): Под ред. Б. А. Серебренникова и А. А. Уфимцевой. — М.: Наука, 1977. — 359 с.

Поступила в редколлегия 10.11.81.

ПИТАННЯ ХУДОЖНЬОГО ПЕРЕКЛАДУ

О. О. МИРОНОВ, канд. філол. наук

З ІСТОРІЇ СТВОРЕННЯ Е. ВАЙНЕРТОМ ПЕРЕКЛАДУ ПОЕЗІЇ Т. Г. ШЕВЧЕНКА «ТАРАСОВА НІЧ»

Переклад поезії «Тарасова ніч» Е. Вайнерт створив, працюючи в складі групи перекладачів, які в 1939—1941 рр. під керівництвом німецького літератора, перекладача і громадського діяча, комуніста А. Курелли здійснювали у Москві перший повний переклад «Кобзаря» німецькою мовою [3]. Твір для перекладу Е. Вайнерт вибрав сам, бо, як зазначав А. Курелла, твори Т. Г. Шевченка, духом і змістом близькі «Гайдамакам», були у Вайнертовому дусі [11, с. 4]. Над перекладом поет працював з 28-го січня до 1-го лютого і 8-го лютого 1940 р. [4], маючи підрядковий переклад, мова якого (російська чи німецька) невідома [10, с. 1]. 9-го лютого він переписав переклад начисто, але 22-го лютого 1940 р. вніс до нього одну правку [4].

Однак згодом Е. Вайнерт уніс в цей первісний переклад ще сім змін. Дві з них граматичні. Через ці правки в первісних варіантах перекладу речень «В церкву не пускають!» [1, с. 42] — «*Ließen sich den Glauben ... rauben!*» («Дали віру свою вкрасти») [9] і «нема нікому Порадоньки дати» — «*nirgends war doch Hilf und Rat zu holen*» («не було ж звідки Взяти поміч і пораду») [9] імперфект замінено презенсом, через що нові варіанти перекладу стали точнішими: «*Lassen sich den Glauben ... rauben!*» [8, с. 248] — «Даютъ віру вкрасти!» і «*nirgends ist doch Hilf und Rat zu holen!*» [8, с. 248] — «немає ж звідки Взяти поміч і пораду». Однак зміст першого з цих речень залишився, по суті, не відтвореним.

Три дальших лексичних правки зроблено для надання перекладові, на відміну від оригіналу, більшої виразності. Так, спершу наступні рядки у первісному перекладі мали звучання:

А поганий Конецьпольський
Дуже звеселився... [1, с. 44].

Und der Schurke Konezpoliski
Rieb sich nun die Händen... [9].

В остаточній редакції Е. Вайнерт замінив нейтральне «пип» емоційнішим «*schon*», надавши реченню іронічно-сатиричної тональності [8, с. 249]: «Вже потирав руки». Другу лексичну заміну внесено до дещо риторичного перекладу рядка «Згада — та й заплаче!» [1, с. 45] — «*Und nun weint er leise*» [9]. В остаточному варіанті переклад звучить інтимніше, бо нейтральне і втичкове «*Und nun*» замінено емоційнішим «*schmerzlich*» («боляче»): «*Schmerzlich weint er leise*» [8, с. 252]. Третя заміна являє собою докорінну переробку первісного перекладу рядка «Лягло сонце за горою» [1, с. 44] — «*In den Bergen sank die Sonne*» [9], в якому не було притаманної оригіналові інтимності спокою, що її передає дієслово «лягло». В остаточному варіанті перекладач поступився реалією «горою», але зробив картину емоційно адекватною оригінальній: «*Längst zur Ruh schon ging die Sonne*» [8, с. 251] — «Давно вже сонце пішло на спочин».

Помітних лексико-граматичних змін зазнав переклад рядків:

Козачество гине;

Гине слава, батьківщина;

Немає де дітись... [1, с. 41—42].

... die Kosaken

Gingen längst zugrunde;

Ihrer Erben Ruhm und Erbe

Längst verweht im Winde... [9].

Перекладач замінив іменник «*Erben*» («спадкоємці») іменником «*Ahnen*» («предки»), усунувши чужий першотворові повтор «*Erben*» — «*Erbe*» і зробивши переклад цього місця уривка адекватнішим, хоча, зрозуміла річ «*Erbe*» («спадщина») і «батьківщина» поняття лише частково адекватні. Дали в новому варіанті перекладу минулий час замінено теперішнім і майбутнім, що наблизило переклад до першотвору і в граматичному відношенні, але

останній рядок так і залишився не відтвореним, бо заміна «Немає де дітись» виразом «Розвіється на вітру» (Wird verwehen im Winde) не є адекватною:

.... die Kosaken	Ihrer Ahnen Ruhm und Erbe
Ach, sie gehn zugrunde;	Wird verwehn im Winde... [8, с. 248].

Риторичним і втичковим є в цьому перекладі й вигук «Ach».

Однак найбільших змін зазнав первісний переклад уривка

Обізвався Наливайко —	Denkt ihr noch an Naliwajko,
Не стало Кравчини!	Wo sind seine Jungen?
Обізвався козак Павлуґа —	Wo ist der Kosak Pawljuga?
За нею полинув!	Alles längst verklungen.
Обізвався Тарас Трясило	Denkt, wie einst Taras Trjassilo,
Гіркими сльозами... [1, с. 42].	Weinend stand, der Kühne... [9].

Отже, зміст уривка в цьому перекладі, власне, не відтворено: перекладач удався до риторичних звертань, які дуже приблизно передають зміст і ідею першотвору. В остаточному варіанті Е. Вайнерт прекрасно відтворив цей уривок, хоча й увів до перекладу інтерпретаційні заміни, які, однак, адекватні. Так, другий рядок уривку передано як «Doch kein Schlachtruf schallte» («Але не пролунав зов до битви»), а четвертий як «Doch nichts widerhallte» («Але ніщо не озвалось»). Звучить цей переклад так:

Und es rief wohl Naliwaiko,	Doch nichts widerhallte.
Doch kein Schlachtruf schallte.	Und es rief Taras Trassilo
Und es rief Kosak Pawljuga,	Weinend rief der Kühne... [8, с. 248.]

Як бачимо, однак, новий переклад звучить навіть більш виразно, ніж оригінал, бо перекладач не тільки відтворив анафоро-епіфоролексико-синтаксичний повтор «Обізвався Наливайко — Обізвався ... Павлуґа — Обізвався ... Трясило», але й посилив його, увівши додаткові повтори аналогічного характеру: «Und es rief — Doch kein — Und es rief — Doch nichts — Und es rief» — «Naliwaiko — schallte — Pawljuga — widerhallte — Trassilo». Більш того, у перекладі уривок закінчується ще й додатковою посилюючою епіфорою «rief der Kühne». Незважаючи на докладну переробку первісного перекладу поезії в цілому, в останньому варіанті все ж залишилися деякі хиби. Так, замість двох образів «хмар» першотвору, що сунули на Україну «з-за Лиману» (турки) і «з поля» (ляхи, уніати), у перекладі відтворено лише перший, а другий замінено неадекватним образом «туману», який у творах Т. Г. Шевченка має зовсім інше значення:

Встає хмара з-за Лиману,	Grau kommt vom Liman die Wolke,
А дургая з поля... [1, с. 41].	Neblich ruhn die Steppen... [8, с. 248].

На цю хибу перекладу справедливо вказувала й Г. Я. Чечельницька. Однак вона помилково аргументувала своє спостереження текстом видання, редактованого не Е. Вайнертом [6], а А. Куреллою [7], через що наведений нею переклад цього уривку звучить дещо інакше:

Wolken steigen am Liman auf,
Andere aus den Steppen... [2, с. 105—106].

Як бачимо, в цій Куреллової редакції Вайнертового перекладу так і залишено чужий оригіналові образ «ступів», а замість двох образів «хмар» подано «хмари». У листах до А. Курелли [12] Е. Вайнерт категорично протестував проти подібного редагування його перекладів без його згоди. З тієї ж причини, що й Г. Я. Чечельницька, помиляється й Я. Погребенник, твердячи що нібито «в перекладах віршів «Тарасова ніч» ... (збірка «Der Kobsak» [7])... Вайнерт допустився контамінації» [13, с. 226]: адже у виданні, редактованому Е. Вайнертом ніяких контамінацій немає [6, с. 233—239].

До Е. Вайнерта поезію «Тарасова ніч» перекладено на німецьку мову Й. Г. Обрістом. Цей переклад є штучним, позбавленим художності ритмізованим переказом першотвору. Прикладом може бути хоча б і переклад Й. Г. Обріста більшого з наведених уривків оригіналу: Plötzlich meldet Naliwajko sich; Krewczeny war noch

Nich genug. Es rührt sich P a w l i u k, der Kosak und stürmte
Ihretwegen los; es regt' sich T a r a s T r i a s s i l o... [5, с. 39].
Отже, як бачимо, цей переклад, щоправда просякнутий неудаваним пафосом,
хибить своєю лексикою, свавільям інтерпретації змісту оригіналу, синтак-
сисом і пов'язаною з ним ритмомелодикою, польською транслітерацією
власних імен тощо.

Таким чином, Вайнертів переклад є єдиним високохудожнім відтворен-
ням поезії Т. Г. Шевченка «Тарасова ніч» німецькою мовою, адекватним оригі-
налові своїм змістом і формою, а також являє собою водночас прекрасний
самостійний поетичний твір німецької літератури.

Список літератури: 1. Шевченко Т. Повне збір. тв. у 6-и т.— К.: Вид-во
АН УРСР, 1963. Т. 1.— 483 с. 2. Чечельницька Г. Я. «Кобзар» у перекладах
сучасних німецьких поетів.— Радянське літературознавство, 1962, № 6,
с. 103—109. 3. Погребенник Я. Шевченко німецькою мовою.— К.: Наук.
думка, 1973.— 299 с. 4. Щоденник поета. Особистий архів Е. Вайнерта в
в Берліні. Berlin — Niederschönhausen. Erich—Weinert—Siedlung, Str. 201,
H. 2. Deutsche Demokratische Republik. 5. Taras Grigoriewicz Szewczenko,
ein kleinrussischer Dichter. Dessen Lebensskizze sammt Anhang, bestehend aus
Proben seiner Poesien, in freier Nachdichtung von J. Georg Obrist. Gedruckt
bei Rudolf Eckhardt, Czernowitz, 1870, XLV + 63 S. 6. Schewtschenko T.
Die Haidamaken und andere Dichtungen. Aus dem Ukrainischen von Erich
Weinert. Verlag Volk und Welt, Berlin, 1951, 345 S. 7. Schewtschenko T. Der
Kobsar. Ausgewählte Dichtungen in zwei Bänden. Verlag für fremdsprachige
Literatur, Moskau, 1951. 8. Weinert E. Gesammelte Werke. Nachdichtungen.
Verlag Volk und Welt, Berlin, 1959.—807 S. 9. Literatur-Archive der Akademie
der Künste der DDR, Sammlung 208/5.— 104 Berlin, Hermann—Matern—Str.
58/59, Deutsche Demokratische Republik. 10. Ibidem, Sammlung 208/1.
A. Kurella an E. Weinert, 25.1.1940. 11. Ibidem. A. Kurella an E. Weinert,
18.2.1940, 12. Ibidem E. Weinert an A. Kurella, 23.10.1951; 15.2.; 952;
5.3.1952.

Надійшла до редколегії 05.12.81.

ПИТАННЯ МЕТОДИКИ ВИКЛАДАННЯ МОВИ У СЕРЕДНІЙ ШКОЛІ

Л. В. ДОРОГАНЬ

К ВОПРОСУ О МЕТОДАХ И ПРИЕМАХ ИЗУЧЕНИЯ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

XXVI съезд КПСС, высоко оценив труд советского учителя, указал на необходимость продолжать работу по дальнейшему развитию и всестороннему совершенствованию среднего образования. В связи с этим пересматриваются цели обучения и содержание образования в школе. Особую актуальность приобретает оптимизация учебно-воспитательного процесса, в чем немаловажную роль играет удачный выбор методов и приемов обучения. Между тем вопрос о методах и приемах обучения русскому языку относится к числу малоисследованных в методической науке. Необычная пестрота в номенклатуре учебных методов и соответствующих им терминов и отсутствие единых объективных критериев обоснования того или иного метода—приводят к тому, что учителя-словесники лучше владеют общедидактическими методами, предпочитая их собственно лингвистическим, наиболее эффективным в обучении языку.

В данной статье попытаемся осветить некоторые, весьма эффективные, с нашей точки зрения, методы и приемы обучения русскому словообразованию в школе. В ней пойдет также речь о трансформации методов лингвистической науки в методы обучения.

Раздел «Словообразование» является сквозным в курсе русского языка средней школы. От его усвоения во многом зависит совершенствование правописных навыков, овладение грамматическими категориями, формирование речевых умений и обогащение словарного запаса учащихся. Так как словообразование сравнительно недавно изучается в школе, то на его примере хорошо видно, как вызванное потребностями жизни обновление содержания школьного курса русского языка обуславливает необходимость усовершенствования, модернизации методов обучения.

Не вдаваясь в подробности теории учебных методов, отметим самое общее значение понятия *метод обучения* как упорядоченных способов взаимосвязанной деятельности учителя и учащихся, как способа передачи знаний, а следовательно, одного из путей развития творческих и интеллектуальных способностей школьников. При этом на первое место в учебном процессе необходимо поставить деятельность учителя, избирающего и определяющего методы и приемы работы учащихся на уроке, так как «способ познавательной деятельности ученика на уроке и во внеурочное время организуется именно этими методами» [1, с. 148].

Известно, что методы и приемы, предлагаемые методикой русского языка, представляют собой определенную систему, опирающуюся на данные лингвистики. В связи с этим главные направления повышения качества (уровня) методики, как справедливо полагает А. В. Текучев, следует искать в более конкретной и тесной связи методологии и методики, в опоре на данные современной теоретической лингвистики [4, с. 24]. И далее: «Перспективным для данного этапа в развитии методики русского языка следует считать принцип развивающего обучения, обучения на высоком уровне трудности при ускоренных темпах подачи нового материала» [4, с. 30]. Учитывая сказанное, мы считаем целесообразным использование некоторых методов лингвистической науки в дидактических целях и один из таких методов видим в структурно-семантическом анализе (словообразовательной мотивации).

Подразделяя методы обучения по источнику получения знаний, особое значение мы придаем методам теоретико-практического изучения языка и обучения речи [7, с. 40] в связи с теоретико-практической направленностью школьного курса русского языка. Мы разделяем мнение о том, что первое место в учебно-воспитательном процессе учитель должен отвести методам, а не содержанию (дидактическому материалу), поскольку именно методы помогают ему приковать внимание учащихся к содержанию [6, с. 12]. Теоретико-практические методы изучения языка (все виды разбора, аналитико-синтетические упражнения) способствуют также формированию учебно-познавательных умений школьников, играющих немаловажную роль в дальнейшем их самообразовании.

Так как в короткой статье невозможно осветить все тонкости использования данного метода, остановимся лишь на отдельных моментах.

1. К рассмотрению изучаемых фактов языка мы подходим комплексно: каждая словообразовательная модель, каждое производное слово должно быть осмыслено школьниками по значению, структуре и с точки зрения функционирования в речи. Тем самым осуществляется и задача воспитания учащихся при обучении.

2. В процессе словообразовательного анализа обязательна строгая последовательность умственных операций: вначале установление смысловой (семантической) близости однокоренных слов, затем формальной (структурной).

3. Поскольку при определении направления производности для ряда слов ведущим оказывается категориальное значение части речи (*заплывать* — *заплыв*, *синий* — *синь*), то обучение учащихся категориальному значению аффиксов становится не только очевидным, но и обязательным.

4. Структурно-семантический анализ важен при изучении словообразования и в лексическом плане. «Если в словах *будущность*, *живность* мы выделяем производный суффикс *-ность*, то этим самым мы свидетельствуем, что в русском языке нет прилагательных *будущий*, *живный*, и, наоборот, выделяя в слове *человечность* два суффикса (*-н*, *-ость*), мы свидетельствуем, что в нашем языке есть слово *человечный*» [2, с. 94]. Словообразовательный анализ

и структурно-семантический синтез дают возможность установить лексическое значение слова, напр.: *глухарь* (слово непроизводное) — название птицы; *глухарь* — о человеке (слово производное, мотивировано прилагательным *глухой*, суффикс *-арь*).

Умение устанавливать отношения мотивации формируется в результате длительной тренировки, так как является объективно непростым. Зато именно структурно-семантическая мотивация дает возможность избежать механического запоминания способов словообразования, развивает лингвистическое и логическое мышление, интеллект учащихся. Предлагаемая методика обучения школьников русскому словообразованию на основе структурно-семантической мотивации нацелена на развитие речи учащихся, обогащение их словарного запаса, совершенствование логико-содержательной и образно-эмоциональной стороны речи, развитие способности стилистически дифференцировать словообразовательные средства языка и умело пользоваться ими при построении собственных высказываний. При этом особое значение имеет умение учащихся самостоятельно толковать производные слова на основе семантики морфем и лексического содержания исходной единицы, т. е. неформантной части мотивированного слова.

Использование метода структурно-семантической мотивации позволило освободить школьный курс словообразования от ряда затрудняющих учащихся понятий, в том числе понятия «производящая основа слова». (Ср. слова, мотивированные отдельным словом или словами: *шить* — *пришить*; *милый* — *премилый*; *лес*, *степь* — *лесостепь*, — словосочетаниями, в том числе фразеологическими: *вечно зелёный* — *вечнозелёный*, — предложениями: *солнце печёт* — *солнцепёк*). В действующем учебнике русского языка под редакций Н. М. Шанского (изд. 1980, 1981 г.) материал по словообразованию сориентирован не только на морфему как значимую часть слова, но и на исходные единицы образования производных слов, знание которых так необходимо школьникам для умения самостоятельно семантизировать производные слова с опорой на лексическое содержание исходной единицы. Такой принцип отбора теоретического материала в учебнике для V—VI классов кажется нам вполне оправданным, так как способствует закреплению знаний, полученных школьниками в IV классе. Пятиклассники продолжают овладевать семантикой морфем, в особенности служебных, при изучении способов словообразования и словообразования отдельных частей речи, так как выявлять значение неизвестного аффикса и его состав, как известно, можно, только установив мотивирующую единицу (ср. *розоватый*, *вязанка*, *вснушчатый* и др.).

Особое внимание следует обратить на первоначальное обучение школьников тому методу, который впоследствии станет средством их познания и интеллектуального развития. Так как теоретической основой формирования у учащихся основных словообразовательных и некоторых лексических умений, обусловленных типовой программой по русскому языку [5], являются минимальные теоретические понятия русского словообразования, изложенные в учебнике для V—VI классов, а центральным понятием словообразовательной системы, как известно, является понятие словообразовательной мотивации (отношение между однокоренными словами, наиболее близкими друг другу по своей структуре и семантике), то именно его и следует использовать прежде всего в дидактических целях. Неумение устанавливать отношения мотивации, как свидетельствует школьная практика, приводит учащихся к затруднениям в проведении морфемного и словообразовательного разбора, в усвоении правил орфографии, к непониманию системы языка в целом.

Проследим этапы усвоения словообразовательных понятий пятиклассниками. Понятие об исходной единице словообразования (то, от чего образованы слова) усваивается учащимися практически. Иллюстративно-аналитическим способом постигают они основные особенности семантической мотивации слов русского языка, для чего широко используются слова однокоренные и одноструктурные. После изучения вводных сведений о словообразовании как разделе науки о языке методом беседы и самостоятельных наблюдений над родственными словами различной структуры учащихся необходимо

познакомить с понятием о производных и непроизводных словах. Их внимание следует сосредоточить на семантике слов: производным является то слово, значение которого можно объяснить через значение другого однокоренного слова. Так уже в начале изучения раздела «Словообразование» закладываются «логические ориентиры» семантизации производных слов через лексическое значение исходной единицы. Формирование этого жизненно важного умения можно осуществить путем практического знакомства школьников с однокоренными словами, из которых одно образуется от другого и толкуется, следовательно, через это другое. Например, учащимся предлагалось прочитать слова левого и правого столбиков, определить, одинаковы ли данные однокоренные слова по составу, и ответить на вопрос: можно ли объяснить слова правого столбика через значение однокоренных слов и наоборот: *хвоя* — *хвойный* (аромат), *кабинет* — *кабинетная* (система), *земля* — *земляной* (вал), *синий* — *синить*, *синеть*; *планета* — *планетянин* и др. Был дан образец рассуждений. Затем выполнялись упражнения с целью закрепления понятия о производных и непроизводных словах. Например: 1. Определить, что значит каждое слово в отдельности и что объединяет его с названными однокоренными словами. Устно указать производные и непроизводные слова. Через значение какого слова могут быть истолкованы слова производные? *Хлеб*, *хлебный*, *хлебница*, *хлебец*; *сахар*, *сахарница*, *сахаристый*, *сахарить*. 2. Определить производное и непроизводное слово в каждой паре: *сеялка* — *сеять*, *прочитать* — *читать*, *дом* — *домик*, *столяр* — *столярничать*. Объяснить значения производных слов, используя для этого слова непроизводные.

Параллельно выясняется структура производных и непроизводных слов, обращается внимание на то, что, в отличие от непроизводных слов, основа которых состоит из корня, в производных словах в основу включаются словообразующие части. Следовательно, производные слова всегда производятся (образуются) от других слов. Так осуществляется логический переход к изучению исходной единицы словопроизводства.

Исходные единицы словопроизводства также усваиваются пятиклассниками практически, а именно путем знакомства с возможной мотивацией производных слов отдельным словом или словами, словосочетанием или предложением. Методом беседы с учащимися необходимо выяснить, что исходное слово — это ближайшее в словообразовательном отношении слово то, о же корня, то, от которого был сделан последний словообразовательный шаг, результатом которого явилась данная словарная единица. Для слова *побелочный* это слово *побелка*, наиболее близкое первому семантически относящийся к побелке, а не белый, белить; для слова *водопроводчик* — *водопровод*, а не *вода*, *провод*; для слова *покраснеть* — *краснеть*, а не *красный* и т. д. Анализируя примеры, школьники убеждаются, что одно и то же слово в одной паре может быть исходным, а в другой — производным. Здесь же учителем подчеркивается мысль о возможности образования нескольких слов с разным лексическим значением от одной исходной единицы: *дать* — *придать* (значение), *раздать* (тетради), *здать* (тон), *выдать* (книгу) и др. Далее учащимся необходимо предложить продолжить образование слов от данной исходной единицы и определить их лексическое значение. Одновременно повторяются и расширяются сведения о словообразующих аффиксах и их значениях, в том числе об омонимии словообразующих морфем, их стилистической функции и т. д. Весьма полезно при этом показать учащимся значение структурно-семантических связей слов русского языка, огромное количество которых построено по ограниченному набору схем, формул, например: исходная единица + суфф., прист. + исходн. ед.; прист. + исходн. ед. + суфф.; исходная ед. + исходная ед. и др. Параллельно следует использовать прием семантизации схем.

После ознакомления пятиклассников с понятием о производных/непроизводных словах и исходной единице путем индуктивно-логических рассуждений их следует подвести к пониманию структурно-семантических связей родственных слов и условий поиска исходной единицы. Внимание школьников необходимо заострить на двуедином формально-семантическом

критерии производности, хотя для решения вопроса о мотивирующем слове существенна, по мнению ученых, достаточность смысловой близости между словами в плане синхронии (крыть — крыша, перо — перина, печься — беспечный и др. — см. АГ-70).

Формируя у учащихся понятие о мотивации и смысловой близости одних слов к другим, следует постоянно подчеркивать, что все производные слова тесно связаны и по форме (звучанию), и по значению с теми словами, от которых они образованы. На конкретных примерах (писать — дописать, береза — березовый, мяч — мячик), широко используя упражнения школьного учебника русского языка, пятиклассников необходимо убедить в том, что обычно производные слова по составу и семантически сложнее, чем исходное, так как главный способ русского словообразования — добавление словообразовательных элементов, т. е. увеличение количества морфем. Так, если сравнить слова *земля* и *земляной*, *шить* и *пошить*, *милый* и *премилый*, *бежать* и *разбежаться*, *ночь* и *ночевать* и под., то окажется, что вторые являются производными от первых по причине большей формальной и семантической сложности. Значит, смысловая и формальная мотивированность чаще всего совпадают. Разумеется, что случаи затруднительные, с несовпадающей формальной и смысловой производностью (ср. по-дачному, по-циркового и др. — примеры Е. А. Земской), использовать для словообразовательного анализа в школе не рекомендуется.

Учителю следует также иметь в виду, что многообразие типов структурно-семантических отношений производных слов усложняет поиск исходных единиц, в особенности выраженных отдельным словом. Поэтому в ряде случаев невозможно с научной достоверностью установить, от какого слова непосредственно образовалось каждое анализируемое слово. Да и нет в этом необходимости. Как считает проф. З. А. Потиха, только в бесспорных случаях, в которых словообразовательные связи совершенно прозрачны, необходимо при помощи системы скобок указывать на порядок присоединения морфем в процессе словопроизводства [3, с. 104].

Случаи затруднительные, о которых речь шла выше, но тем и интересные, могут быть использованы учителем на уроке с целью создания проблемной ситуации и как элемент занимательности. Это определение исходной единицы производных слов одинаковой формальной сложности с мотивирующими (производящими) и производных слов, тождественной мотивирующим семантики. Ведущим здесь оказывается семантический критерий.

Таким образом, если структурно-семантическую мотивацию рассматривать как основную путь (метод) обучения словообразованию, то иные, частные способы обучения, применяемые при этом (беседу, сравнение, упражнения в словообразовательном анализе и синтезе, иллюстративно-практические способы и т. п.), следует квалифицировать как методические приемы, позволяющие реализовать данный метод обучения. Изучение словообразования методом структурно-семантической мотивации позволяет добиваться осмысленных знаний по словообразованию и осуществлять органическую внутрипредметную связь словообразования с лексикой, синтаксисом, морфологией, стилистикой. Описанный метод работы по словообразованию вполне может быть отнесен к группе частично-поисковых или исследовательских, однако сочетание его (комбинирование) с методами репродуктивными очевидно и необходимо.

Список литературы: 1. *Дидактика средней школы.* — М.: Просвещение 1975. — 303 с. 2. *Основы методики русского языка в 4—8 кл.* — М.: Просвещение, 1978. — 381 с. 3. *Потиха З. А.* Современное русское словообразование. — М.: Просвещение, 1970. — 384 с. 4. *Текучев А. В.* Очерки по методике обучения русскому языку. — М.: Педагогика, 1980. — 232 с. 5. *Типовые программы восьмилетней и средней школы с русским языком обучения (Русский язык. IV—VIII кл.)*. — М., 1978. — 45 с. 6. *Федоренко Л. П.* О структуре речевых навыков. — Рус. яз. в школе, 1971, № 2, с. 12—17. 7. *Федоренко Л. П.* Принципы обучения русскому языку. — М.: Просвещение, 1973. — 160 с.

Поступила в редколлегию 10.11.81.

ЗМІСТ

Питання української філології

Гноєва Н. І. Художній психологізм як об'єкт літературознавчого дослідження	3
Мимрик Т. К. Прийоми і принципи характеротворення як об'єкт наукового дослідження в літературознавстві 70-х років.	9
Чугуй О. П. Драматургічні елементи в невідьницькій ліриці Т. Шевченка (цикл «В казематі»)	15
Юрченко О. С. Еволюція фразеології української літературної мови (середина XVII — поч. XIX ст.)	21
Юрченко О. С. Фразеологізм з точки зору діахронічної фразеології	25

Питання російської, зарубіжної та порівняльної філології

Кузьменко Р. Г. Лірико-публіцистичний тип оповіді у «Цар-рибі» В. Астаф'єва	29
Руденко Г. Г. Характер ліричного героя в поезії О. Яшина 60-х років	36
Міхільов О. Д. Сатира та сатирико-гумористичні тенденції у французькій літературі 70-х років XX століття	42
Грабченко Н. І. Деякі аспекти естетичних поглядів Я. А. Морштина	49
Тарасов Л. Ф. Про вивчення звукової організації віршованого тексту	53
Тростинська Р. І. До питання про лексичну сполучуваність	60
Широкоград Є. Х. До питання про диференціацію імені в давньоруській мові у світлі теорії О. О. Потебні про походження прикметника	64
Учитель Т. Д. Взаєморозташування і функціонування компонентів складно-підрядних речень у деяких функціональних різновидах сучасної російської мови.	72
Мчедлова-Петросян Н. М. Діахронічне дослідження лексики англійських художніх текстів (досвід системного підходу)	78
Дорошенко Н. С. Словотворчі поля назв істот у російській та англійській мовах	85
Кабальєро Діас Л. Оціночні засоби неозначено-великої кількості у російській та іспанській мовах	93

Питання художнього перекладу

Миронов О. О. З історії створення Е. Вайнертсма перекладу поезії Т. Г. Шевченка «Тарасова ніч»	97
--	----

Питання методики викладання мови у середній школі

Дорогань Л. В. До питання про методи і прийоми вивчення словотвору у середній школі	99
---	----

СОДЕРЖАНИЕ

Вопросы украинской филологии

Гноева Н. И. Художественный психологизм как объект литературоведческого исследования	3
Мымрик Т. К. Приемы и принципы характерообразования как объект научного исследования в литературоведении 70-х годов	9
Чугуй А. П. Драматургические элементы в невольничьей лирике Т. Шевченко (цикл «В казематі»)	15
Юрченко А. С. Эволюция фразеологии украинского литературного языка (середина XVII — нач. XIX в.).	21
Юрченко А. С. Фразеологизм с точки зрения диахронической фразеологии	25

Вопросы русской, зарубежной и сравнительной филологии

Кузьменко Р. Г. Лирико-публицистический тип повествования в «Царь-рыбе» В. Астафьева	29
Руденко Г. Г. Характер лирического героя в поэзии А. Яшина 60-х годов	36
Михилев А. Д. Сатира и сатирико-юмористические тенденции в французской литературе 70-х годов XX века.	42
Грабченко Н. И. Некоторые аспекты эстетических взглядов Я. А. Морштына	49
Тарасов Л. Ф. Об изучении звуковой организации стихотворного текста	53
Тростинская Р. И. К вопросу о лексической сочетаемости	60
Широкоград Е. Ф. К вопросу о дифференциации имен в древнерусском языке в свете теории А. А. Потебни о происхождении прилагательного	64
Учитель Т. Д. Взаиморасположение и функционирование компонентов сложноподчиненных предложений в некоторых функциональных разновидностях современного русского языка	72
Мчедлова-Петросян Н. Н. Диахроническое исследование лексики английских художественных текстов (опыт системного подхода)	78
Дорошенко Н. С. Словообразовательные поля одушевленности в русском и английском языках	85
Кабальеро Диас Л. Оценочные средства неопределенно-большого количества в русском и испанском языках	93

Вопросы художественного перевода

Мионов О. А. Из истории создания Э. Вайнертом перевода поэзии Т. Г. Шевченко «Тарасова ніч»	97
---	----

Вопросы методики преподавания языка в средней школе

Дорогань Л. В. К вопросу о методах и приемах изучения словообразования в средней школе	99
--	----